

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

НИСХОЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Корнаков

Нисхождение

«Автор»

2023

Корнаков Д.

Нисхождение / Д. Корнаков — «Автор», 2023

В центре сюжета этого мистического триллера Лера и Артем Соколовы, молодая семья, чья жизнь безвозвратно меняется после страшной трагедии – гибели их маленького сына. Случившееся порождает глубокий раскол между супругами, ставя под угрозу их брак. Но все становится лишь хуже, когда Лера внезапно исчезает. Расследуя пропажу жены, Артем натывается на заброшенную девятиэтажку в глубине леса. Этот мрачный дом оказывается полон жутких тайн, которые герою предстоит раскрыть дабы отыскать свою жену...

© Корнаков Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1. Встреча	7
Глава 2. Рождение и смерть	12
Глава 3. Помешательство	18
Глава 4. Испытание	23
Глава 5. Трагедия	34
Глава 6. Похороны	38
Глава 7. Исчезновение	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниил Корнаков

Нисхождение

Пролог

Холод пробирал до костей.

Окружающий меня лес казался мне живым – он дышал, двигался, говорил собственным непонятным языком.

Я был убежден, что деревья внимательно наблюдают за каждым моим движением, и скрип их ветвей в ушах звучал как тихий шепот, решающий мою судьбу. Еще сутки назад, даже немного помывшись о подобном, я с уверенностью заявил бы, что по мне плачет дурдом. Но все изменилось, как только я ступил за порог того кошмарного дома...

Боже, после всего произошедшего, любой сумасшедший мог бы показаться мне светочем разума!

С каждым шагом ветер пронзал мое тело, как тысячи ледяных игл, а снег, капризно кружа в воздухе, отбирал последние остатки тепла.

Сколько я блуждаю здесь? Час? Два? По мне, так целую вечность.

Левая нога ударилась обо что-то твердое, и я споткнулся и упал. Шершавый снег впился в лицо, а запястье заныло от боли. С невероятным усилием я заставил себя встать и взглянуть на то, обо что умудрился споткнуться. Это была мужская рука с кольцом на безымянном пальце. Синяя и обмерзшая, она неподвижно торчала из-под снега, растопырив тонкие пальцы.

Я запаниковал и начал отступать, не отрывая взгляда от конечности, пока не почувствовал, как спиной уперся во что-то твердое. Невольно вскрикнув, я вскочил на ноги и на этот раз увидел окоченевшее тело женщины.

Только ее лицо, застывшее в снегу, вызвало во мне ужас. Глаза, напоминающие два стёклышка, с неким отчаянием и одновременно смирением смотрели ввысь, словно прежде, чем совершить свой последний вздох и навсегда быть погребенной в этом сугробе, она понадеялась оказаться как можно выше и дальше от этого пронзающего холода. Приглядевшись, я увидел замерзшую слезу на её щеке.

Небольшой ветер коснулся темных волос покойницы и оживил их, заставив танцевать в воздухе. А затем я заметил, как из ее рта появилось едва заметное облачко пара.

Не выдержав этого зрелища, я побежал и стал замечать под слоем снега очередные тела: мужчин, женщин и даже детей. Это был снежный ковер из заледеневших трупов.

Я продолжал бежать, преследуемый темными мыслями и смертью, которая, как мне казалось, поджидала меня на каждом шагу.

Не помню, сколько я так бежал, пока окончательно не выбился из сил. Передохнув, я поднял голову и разглядел за горизонтом девятиэтажку. Дом, от которого я бежал последние несколько часов, вновь открылось моему взору, и меня охватило безнадежное отчаяние.

Отсюда нет выхода.

Двумя месяцами ранее

Отчётливо помню, как в тот злосчастный день я почувствовал жжение в груди, от которого голова пошла кругом. Ноги словно лишились костей, и я начал падать, но вовремя ухватился за краешек стола. Так бы того и гляди, наверняка упал бы и расшиб голову.

Через пять минут это странное ощущение в сердце отступило, как будто его и не было. Стал я размышлять, не шалит ли сердце в мои-то тридцать лет? Да быть не может! Сколько себя помню, всегда занимался спортом: бегал, прыгал, на брусьях подтягивался. Да чего душой кривить, я был отличником по физподготовке как в армии, так и в вузе. Даже на спортивные сборы ездил по лёгкой атлетике, где ниже третьего места никогда не опускался. И вот на тебе! Не верилось.

К обеду я уже и вовсе забыл об этом, списав на переутомление. Оно и немудрено, ведь последние несколько дней у нас на участке выдались, ну прямо туши свет! В столице приходили митинги, в очередной раз собирались свергать власть, и всех этих революционеров вели прямиком ко мне на оформление. И так продолжалось вот уже третьи сутки.

Вот и тут только я сел за стол, как помимо тонны бумажной волокиты мне привели очередного парнишку, закованного в наручники, лет двадцати с небольшим. Под глазом красовался фингал цветом один в один с моим кителем.

– Артём, вот привёл тебе еще одного... дебошира. Оформишь?

– Ну а чего делать, оформим, оформим. Не первый и не последний.

Посадили парня напротив. С виду вроде опрятный, одежда хорошая, волосы по-модному подстрижены, из переднего кармана выглядывает смартфон.

– Пишешь, что ли? – ткнул я ручкой в камеру.

– Не имеете права отбирать. Это моё право, как гражданина Российской Федерации, согласно статье...

– Да все-всё, гражданин. Пиши своё кино. Сдался ты мне...

Мы сидели и ждали, пока мой допотопный компьютер оживёт и откроет мне «Ворд» с шаблоном протокола. И тут неожиданно я снова почувствовал это неприятное жжение в груди, но на этот раз чуть меньше. Тут-то и стали меня посещать мрачные мысли. Не к добру эта боль. Отпроситься у начальства, что ли? А то мало ли...

Компьютер так долго грузился, что я хотел было плюнуть, да по старинке ручкой на бумаге знатока наших законов оформить, но прервал меня звонок с мобильного. Звонила Лерка, моя жена.

Я было хотел сбросить, на работе как никак, но что-то заставило меня всё же принять вызов.

– Да, Лер.

– Артём Егорович?

Сердце ушло в пятки. Голос был мужской, и имя отчество мое незнакомец произнёс с каким-то подозрительным придыханием.

Я сразу же почувствовал что-то неладное.

– Да, это я. А вы кто? Почему вы звоните с телефона моей жены?

Мы с дебоширом встретились взглядами. Парень посматривал на меня с любопытством и все похмыкивал, мол, так тебе и надо. Я встал с кресла и подошёл к окну, откуда открывался вид на задний двор с хоккейной коробкой. Прямо сейчас там бегали молодые ребята и гоняли шайбу, крича друг с другом.

– Мы с вами коллеги, Артем Егорович, – продолжал голос. – Старший сержант патрульной службы Зенцов Игорь Павлович. Я... – голос его, несмотря на попытку сдерживаться, местами все же давал слабину и вздрагивал. – В общем, произошло ДТП с участием вашей жены. Вам лучше приехать сюда как можно скорее.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1. Встреча

Со своей будущей женой я познакомился в Воронеже шесть лет тому назад в период моей командировки в этот чудный город. Все дела удалось закончить раньше положенного, и выдалось мне три дня выходных, которые я решил потратить на изучение города.

Сам я родом из маленького села в Тамбовской области, и так уж случилось, что, несмотря на небольшое расстояние, в Воронеже мне так побывать и не удалось. Посему решил я этот жизненный пробел восполнить, как следует за отведённые мне три дня.

Начал с парочки музеев, сфотографировал на память несколько статуй (особенно меня очаровал памятник Белому Биму Черному уху – собаке из моего любимого фильма детства) и, конечно же, прошелся вдоль набережной реки Воронеж, разделяющий город на западную и восточную стороны.

Вечером, когда я совсем измотанный и усталый возвращался в гостиницу, в парке под названием «Орлёнок» я услышал звуки гитары и прекрасный женский голос. Он так меня очаровал, что я как замороженный начал искать, кто это так поет, пока не увидел девушку, стоявшую на бордюре.

Меня сразу пленили её распущенные рыжие волосы, свисающие до маленькой груди. Тонкие пальцы умело перебирали струны, извлекая из них ноту за нотой. Белая майка с черной надписью неизвестной мне рок-группы подсказывала о музыкальных предпочтениях девушки. Правда, по тому, как она пела, нельзя было даже предположить, что она стремится оказаться в рядах подобных музыкальных деятелей. Голос у неё был добрым, ласковым и словно шептал на ушко.

Под ногами у неё лежал открытый чехол от гитары с небольшой мелочью. Проходящие мимо люди непременно останавливались на минутку другую, не то любясь ее красотой, не то великолепным вокалом.

Ну а я стоял в сторонке и всё посматривал на неё издали, не решаясь подойти. Меня как ледяной водой окатили, и я боялся пошевелиться, дабы ещё холоднее не стало. Сейчас вспоминаю – ну дурак дураком! Влюбился я в незнакомку тотчас же, хотя и словом с ней ещё не успел обмолвиться.

Так и продолжалось это около часа, пока вдруг не стало темнеть. Рыжеволосая незнакомка уже не пела. Спрятав гитару в чехол, она пересчитывала вырученное за день, пока вдруг к ней не подвалила парочка верзил на две головы выше. Они нагло стали к ней приставать и, несмотря на её просьбу отвалить, тянули к ней свои грязные руки.

Здесь-то я сидеть в сторонке уже не имел права. Подошёл к наглецам и вежливо попросил их убраться восвояси.

– Гуляй, Вася, – бросил один из них, даже не повернувшись в мою сторону.

– Это ты гуляй. Сказано тебе, отстань от девушки.

– А то чё? Ментов позовёшь? – ответил он, наконец повернув ко мне свою рожу.

– Так зачем же звать?

Я вынул из кармана удостоверение и показал им его, на мгновение усмирив их наглость.

– И чё? – продолжал тот, лишь мельком взглянув на корочку. – Арестуешь, что ли, теперь меня?

– Надо будет – арестую, если ты со своим дружкой не свалишь отсюда щас же.

Оба они подняли меня на смех.

– Слушай, начальник... – по-хозяйски обратился он ко мне и положил ладонь на плечо. –

Ты это, разворачивайся по-хорошему...

Я его руку сразу же схватил и раз! Вывернул ему за спину. Не сильно, а так, для профилактики. Второй его дружок, прежде молчаливый, вдруг как разразился:

– Ах ты сука!

И бросился на меня. Но я его побратима на него толкнул и сшиб с ног. Оба они грохнулись в фонтан, прямо в холодную воду и стали там барахтаться как черепахи, опрокинутые на панцирь.

Позади я услышал, как от этого жалкого зрелища хихикнула рыжеволосая. Мне аж тепло на душе стало от её смеха.

Хмыри эти по итогу из фонтана вылезли и все промокшие до нитки сжали кулаки.

– Так, не уберетесь отсюда щас же, – говорю я строго, – завтра на вас ориентировки будут висеть по всем местным участкам. За попытку нападения на сотрудника полиции знаете, сколько дают?

Оба они чуть ли не одновременно покачали головами. Лица по-прежнему были злыми как у собак.

– Вот лучше вам не знать. Поэтому чешите отсюда подобру-поздорову, пока я не передумал.

Хмыри переглянулись друг с другом, отряхнулись от воды и, бросив на меня очередной уничижительный взгляд, хмыкнули и развернулись.

– Да пошёл ты, мент поганый, – пробурчал один из них.

– За оскорбление тоже прилетит, ты это учти! – крикнул я им вслед.

И как только увидел, что парочка удаляется восвояси, так сразу себя почувствовал рыцарем; ну один в один как в книжках!

– Спасибо вам большое, – поблагодарила меня рыжеволосая. – Вы прямо как знали...

– Что знал?

– Да что эти вот сунутся... Я вас давно заметила, вон на той лавке. Сидите там уже часа два.

– Оу... – я себя почувствовал крайне неловко. – Вы не подумайте ничего такого. Я просто... в командировке я! Местными достопримечательностями вот любуюсь. Отдохнуть сел, да и вы тут так прелестно пели, что я заслушался.

Я как в рот воды набрал, слова лились беспорядочно, и самые идиотские. Чувствовал себя полнейшим дураком.

– Вот как! Наконец-то у меня появился первый поклонник.

– Да бросьте, первый! Вон сколько мимо вас проходило, уши грели. Вам уже концерты устраивать можно.

Она натянуто улыбнулась, словно не была со мной согласна, и продолжила собирать вещи. Я чуть ли не с минуту молча наблюдал за ней, ощущая некую скованность, пока вдруг не ощутил, что возможность узнать поближе эту девушку ускользает прямо сквозь пальцы. Это неприятное чувство придало мне храбрости, и я спросил у неё:

– Послушайте, а как вас зовут?

– Лера.

– Лера... А... Можно, я провожу вас? Темно уже так.

И правда, за время потасовки с теми двумя на улице успели сгуститься сумерки.

– Ну... – она подняла своё личико и в задумчивости стала осматриваться, по всей видимости, прикидывая нужен ли ей сопровождающий. Только сейчас я заметил, что цвет её глаз был серым, моим любимым.

– А вам самому домой не надо? – спросила она.

– Нет. Я, признаться, вовсе не местный, приехал из Москвы в командировку, живу в гостинице. Поэтому времени у меня полным-полно.

– Аж из Москвы? – она театрально закрыла рот ладонью и улыбнулась.

– Аж из Москвы, – улыбнулся я в ответ.

– Ну ладно, раз уж так хотите меня проводить... Звать то вас как?

– Ой, точно. Артём.

Я протянул ей руку.

– Рада познакомиться, Артём. Ну, пойдёмте, раз уж вызвались! Расскажите мне про Москву.

В тот вечер я узнал о ней совсем немного. Так она не была бездомной или малоимущей, как я изначально предположил (мне кажется, на моём месте так подумали бы большинство, видя человека, играющего на улице на музыкальном инструменте). А жила в очень приличной однушке и даже училась в вузе на переводчика, параллельно работая с графиком два на два, чтобы покрывать расходы на учёбу.

Оказывается, Лера просто любила петь и надеялась быть когда-нибудь услышанной влиятельным продюсером, который поведёт её по суровым ступеням шоу-бизнеса.

– Хочешь верь, хочешь нет – но многие известные музыканты так и начинали восхождение к славе, играя в переулках и в метро. Земфира вот, например. Или если из иностранных Аврил Лавин. Глядишь заметят! Да и хорошо помогает бороться со страхом публики.

Мы встречались с ней до самого моего отъезда из Воронежа. Те три дня, вне всякого сомнения, были лучшими в моей жизни. Наверное, даже последующую свадьбу с Лерой я так много не вспоминал, как-то время на воронежских улицах, в кафе и кинотеатре, где мы всё больше узнавали друг о друге.

После вынужденного расставания, когда мне пришлось вернуться на службу в Москву, мы поддерживали связь по интернету, общаясь каждый день. Когда же мне удавалось наскреести деньги и выкроить пару выходных, я брал первые же билеты на поезд Москва-Воронеж и мчался к теперь уже своей возлюбленной. Да, к тому времени мы были по уши влюблены друг в друга.

Мне удалось много узнать о ней за время нашей переписки. Родители Леры уже были пенсионерами и жили за городом. Та самая однушка, в которой жила Лера, принадлежала её отцу, и чтобы его дочь могла спокойно учиться и не испытывать проблем с жильем, отдал ей, впоследствии даже переписав на неё.

Отец у Леры всю жизнь проработал на молочном комбинате кладовщиком, а мать продавцом-кассиром то тут, то там. Финансы у них не то чтобы пели романсы, а скорее серенады, и поэтому Лере приходилось подрабатывать барменом в одной из сети кофеен, чтобы расплатиться за учёбу. Работу эту она на дух не переносила, но деваться было некуда – обещала родителям, что получит она эту заветную «корочку», чтобы им легче стало, а потом пойдёт завоевывать нашу эстраду.

Минул год, Лера окончила вуз, и я, как раз получив повышение до лейтенанта, предложил ей перебраться в Москву. Она согласилась.

Первое время нам пришлось жить на съёмной квартире чуть ли не на окраине столицы и обоим оплачивать аренду. До сих пор помню те ужасные дни, когда приходилось вставать в пять утра и ковылять до участка почти два часа. Лере повезло больше, ей удалось найти удаленную работу по специальности переводчика с английского и получать неплохую зарплату. Был в этом еще один несоизмеримый плюс – дома меня всегда ждал вкусный ужин.

Как-то Лере стала плохо. Целый день градусник показывал 38.5. Лоб горячим как вскипевший чайник. Я отпросился с работы и не отходил от её постели ни на шаг, все боясь, что могу ее потерять. Знаю, глупо так думать, все же такая температура еще не причина паниковать, но видит Бог, как страшно я переживал. Всеми виной была моя мама, умершая от гриппа, когда я был ещё маленьким.

До сих пор у меня перед глазами она, лежит бледная, мокрая, под толстым одеялом. Чёрные волосы как водоросли обволокли подушку. Бледно-розовый рот приоткрывается в попытке произнести что-то, но получается только хрипло выдохнуть.

Ещё врач там был, ходил вокруг отца и всё головой качал и поджимал губы. Ещё тогда я особо не понимал, что означают эти жесты. Как-никак, мне всего-то было девять лет.

– Тёма, ты к матери не подходи, одной ей нужно быть, – говорил мне тогда отец. – Поди лучше во дворе поиграй.

– А мама выздоровеет? – спрашивал я, смотря на него сверху вниз.

– Конечно. Ты, главное, не беспокой её лишней раз.

Но мама так и не поправилась. В последний раз я видел её укутанную в одеяло, когда её санитары выносили из спальни. Отец стоял бледный как простыня, в которую укутали маму и тихо шмыгал. Глаза у него выглядели мёртвыми, потускневшими.

Мне ещё тогда почему-то показалось, что маму так в больницу уносят, зачем-то закутав в простыню. Наверное, у врачей носилки кончились? Я еще пару месяцев ходил с этим твёрдым убеждением, пока отец спяну не сообщил мне, что мамы больше нет.

Я ему, конечно же, не поверил. Я же себя убедил в своей правоте и со слезами ему все говорил, мол, чего ты врешь, пап! Увезли маму в больницу! Врешь ты всё, врешь!

И с кулаками на него... щегол девятилетний.

Помнится, когда я уже принял тот факт, что мама умерла, меня обуяла жуткая обида на отца за то, что не дал он мне с мамой поговорить еще тогда, когда она пускай и плохо себя чувствовала, но хотя бы жива была. Обида эта живет со мной и до сих пор. А отца я терпеть не могу.

После смерти матери он страшно стал спиваться, а когда мне стукнуло десять лет и вовсе исчез куда-то на пару лет, оставив меня на попечение тётки в Подмосковье. Ещё и деньги все скопленные за последние десять лет забрал, хорошо, что хоть дом не продал.

Когда он вернулся постаревший лет эдак на десять, то меня обратно хотел забрать, всё клялся, что завязал. Но я ни в какую. Да и тётя Маша, сестра по материнской линии, спасибо ей, не позволила забрать. Так и уехал обратно в наш поселок под Тамбовом мой нерадивый папаша, где прозябает и поныне.

С тех самых пор мы с ним совершенно не разговариваем, хоть он и пытался несколько раз выйти со мной на связь. Так он пришёл на вручение моего школьного аттестата, попытался со мной заговорить, но я даже смотреть на него не мог. От одной только его красной морды и обманчиво виноватых глаз становилось тошно.

Наверное, оттуда весь этот страх за Леру. У мамы моей тоже «просто температура» была, а вот как вышло.

Руки у меня то и дело тянулись к телефону вызвать неотложку, но она напрочь отговаривала меня от этого, уверяя, что скоро ей станет лучше, и мне со скрежетом в зубах приходилось довериться ей.

Не знаю, что сподвигло меня тем же вечером зайти в ювелирный и купить там простенькое кольцо. Чутье мне тогда подсказывало, что я обязан прямо сейчас подойти к моей любимой и сделать ей предложение.

И вот, лежит моя Лерка в мокрой от её же пота кровати, вся растрепанная и синяками под глазами. На прикроватной тумбочке упаковки из-под таблеток и пустые стаканы. Окно заперто наглухо, на улице зима и я даже щели бесхозной одеждой закрываю, опасаясь, что на нее хоть малюсенький сквозняк подует. В этой вне всякого сомнения романтической обстановке я впервые за несколько дней не достаю из пакета очередную порцию таблеток или фруктов; теперь я потянулся к внутреннему карману куртки и дрожащей от волнения рукой и открыл маленькую коробочку.

– Лера, будь моей женой.

Она переводила свой сверкающий взгляд с кольца на меня и всё силилась что-то произнести. Как же невыносимо ожидание, когда не можешь понять, это она сейчас заплачет от счастья или от горя?

Лера засмеялась, вытирая слёзы. Я невольно заразился ее смехом и все ждал, когда же она ответит, хоть и догадался, какой последует ответ. Сердце стучало как кулак разгневанного соседа, которому осточертела музыка за стеной.

– Господи, Соколов, какой же ты тормоз! Я уж сама думала тебе предложение делать!

Это оскорбление стало самым приятным в моей жизни.

На следующий день произошло чудо, и градусник показал 36.5. Говорят, ничто не лечит так эффективно, как секс и хорошие новости. В моём случае я воспользовался и тем, и другим, и, как показала практика, теперь уже моей невесте это помогло.

Мы расписались через полгода. Скромно, лишь в присутствии самых близких людей. Лерины родители приехали, но вот с моей стороны было лишь парочка сослуживцев.

Не знаю как, но отец как-то пронюхал про мою свадьбу и прислал открытку с изображением белых роз с ангелочками, правда, спустя две недели после расписки. Уже по его неровному почерку я понял, что пожелания нам он писал, будучи поддатым, и лишь просьба Леры остановила меня от броски этой картонки в мусорку.

– Пускай будет, Тём, – попросила она меня.

Я спрятал открытку в самый дальний ящик и более не вспоминал.

Жизнь после свадьбы постепенно налаживалась. Лера продолжала работать удалённо, иногда пела, но на этот раз в основном из дому, ну а мне выдали сертификат на приобретение собственного жилья. Этот день я запомнил особенно, поскольку помимо замечательной новости о том, что нам теперь не нужно жить на съёмных квартирах, я узнал и ещё одну.

Лера была беременна.

Глава 2. Рождение и смерть

Именно я настоял на имени Родион после похода на УЗИ, когда выяснился пол ребёнка. Ей имя казалось грубым, и она всё не могла отделаться от сравнения с одноименным героем известного романа Достоевского, а мне же напротив оно казалось одновременно величественным – Родион, и в то же время ласковым – Родя. Долго мне пришлось уговаривать Леру, пока она наконец не сдалась и не смирилась с моим выбором. А потом и вовсе даже привыкла к нему и полюбила. Выяснил я это, когда пару раз заставал её одну на кухне, где она, перемешивая рис или макароны в закипающей кастрюле, ласковым шёпотом пробовала имя на вкус: Родя, Роденька, Родиончик.

Помню, как в те дни чуть ли не жил в продуктовых магазинах, выбирая свежие фрукты, овощи и крупы. Каждый раз возвращаясь со смены я первым делом забежал в близлежащий супермаркет, тщательно отбирал апельсины, каши, разной зелени, одним словом всё то, что советовали в интернете во время беременности. Бывало, Лера сама ходила, всё настаивала, что и ей тоже хочется прогуляться вдоль полок, ноги размять, не превращаться в домашнего тюленя. Я не возражал, но при одном только представлении как она с таким животом ходила среди людей, меня в дрожь бросало. Воображение сразу нарисовало, что вот сейчас где-нибудь споткнётся, упадёт, ударится, или какой-нибудь подонок ударит в живот (идиотов же на свете полно), поэтому старался прогуливаться рядом с ней. Да и свежий воздух, в конце концов, был необходим ей ничуть не меньше полезной еды.

Живот с каждой неделей становился всё больше и шире. В шутку я называл её гусыней за косолапую походку, на что получал всегда угрозу в виде поднятого кулачка, медленно опускающегося мне на голову. Лерка, сколько себя помню, всегда была серьёзной на людях, прямо министр: здесь умное словцо скажет, там элегантный жест выдаст, тут процитирует греческого или немецкого мыслителя. Но стоило нам оставаться один на один, как она срывала маску и превращалась в мою Лерку – простую девчущку из Воронежа мечтающую стать известной певицей.

Уверен, что для многих отцов день рождения первенца является самым чудесным днем всей жизни. Но для меня, к сожалению, он был не только чудесным, но и самым ужасным.

Схватки у Леры начались раньше положенного срока, на 32-й неделе. Благо, в этот день была не моя смена, и я находился рядом. Сначала мы не предали этим схваткам большого значения, поскольку думали, что они тренировочные – так организм готовится к будущим родам, сокращая мускулатуру матки, как я узнал из статей в интернете. Но когда интервал схваток усилился, я все же решил не рисковать и отвезти Леру к врачу. Как позже оказалось не зря.

Лера действительно рожала. Помню, как пытался отогнать от себя плохие мысли, что слишком уж рано это происходит, в неположенный срок. Опасения подтвердились, когда врач по моей просьбе сознался, что шансы выжить у ребенка при таких преждевременных родах меньше обычного.

Те часы в коридоре больницы тянулись невероятно долго. Я не мог думать ни о ком и ни о чем кроме Леры. Еще и атмосфера нагнетала, как в фильме ужасов оказался: мигает флуоресцентная лампа; в конце коридора темный, неосвещенный уголок; на стенах отслаивается штукатурка. Я в тот день выкурил целую пачку сигарет, до тошноты, лишь бы нервы унять. Но это ни черта не помогало.

Поздней ночью ко мне вышел хирург, принимающий роды. Лицо не выражало ничего, кроме хладнокровного спокойствия, как у судьи, готового вынести приговор. Видать, сообщать плохие новости у него уже вошло в привычку. А я был уверен, что именно такие меня и ждут.

– Соколов? – обратился он ко мне.

Я ничего не ответил, лишь покорно встал и тихо кивнул.

– В общем, новости хорошие и плохие, – буднично произнёс он и жестом попросил меня присесть. – С какой начать?

– С хорошей, – тихо произнёс я.

– У вас родился мальчик. Два килограмма. Из-за преждевременных родов такой маленький вес является нормой, не переживайте. Но в целом ваш ребёнок здоров, никаких серьёзных отклонений. – Он натянул улыбку и пожал мне руку. – Мои поздравления.

Хотел бы я прыгать от счастья, но оковы плохих новостей не позволяли. Я хило пожал врачу руку, пробормотал слова благодарности и лишь потом спросил:

– А плохая?

– Плохая... – доктор тяжело вздохнул, поджал губы. – Дело в вашей жене... Не бойтесь, с ней всё хорошо. Её жизни ничего не угрожает. – У него завибрировал телефон, но он быстрым движением отключил его и продолжил:

– Во время родов у Леры началось обширное внутреннее кровотечение из-за отслойки плаценты. Такое осложнение редко, но бывает, например, вследствие сахарного диабета или порока сердца и грозит жизни не только ребёнка, но и матери. В случае с вашей женой я не могу точно сказать, что именно повлияло, нужно делать анализы. Пришлось прибегнуть к экстренному кесареву, иначе ребёнок просто задохнулся бы и не выжил. Все прошло гладко, но уже после извлечения плода мы обнаружили, что из-за отслойки матка вашей супруги сильно пропиталась кровью, и нам пришлось прибегнуть к гистерэктомии. Это было необходимо, чтобы спасти её жизнь.

– Гистерэ... что? – с трудом выдавил я из себя.

– Гистерэктомия. Это операция по удалению матки.

Гудение от лампы почему-то стало слышно громче. Оно оглушало.

– То есть, вы хотите сказать...? – Я не решался произнести вслух наихудшие свои предположения.

– Проще говоря, ваша жена больше никогда не сможет иметь детей.

Впервые Родю я увидел в детском отделении за стеклянной стеной. Крохотное розовое тельце, закутанное в пелёнку с рисунками маленьких динозавров, выглядело таким беззащитным. Он тихонечко посапывал и пускал слюной пузыри. На ручке синяя бирка с фамилией, весом и датой рождения. Рядом лежали ещё несколько кричащих малышек, и лишь мой Родион крепко спал, напрочь не обращая внимания на суету вокруг.

Мне так хотелось дотронуться до него, рассмотреть поближе и взять на руки, но акушерка попросила набраться терпения, поскольку малыш пока нуждался в особом уходе.

Трудно было свыкнуться с мыслью, что это крохотное существо, едва начавшее свой жизненный путь, является плодом нашей с Лерой любви. Не зря говорят, что рождение ребенка сродни чуду, а уж особенно это ощущается, когда его жизнь еще пару часов назад висела на волоске. Я, как новоиспеченный папаша смог убедиться в этом в полной мере, неотрывно наблюдая за каждым движением моего маленького сына.

А ещё я испытывал странное ощущение. Радость за появление первенца казалась мне неугасающим огоньком, которая обуяла метелью плохой новости. И вот вроде бы надо радоваться, да не можешь... Тело ооченело, рук не чувствуешь, а исходящего от огонька тепла для согрева не хватает.

Лера очнулась от наркоза на следующее утро и первый её вопрос был о ребёнке. Перепуганный взгляд бросался по сторонам, а глаза блестели от появившихся слёз. Но как же она просияла, когда уже спустя мгновение акушерка занесла в палату маленький, кричащий сверток, перевязанный голубой ленточкой. Даже бледный цвет её кожи уступил месту румянцу.

Когда Лера впервые взяла малыша на руки, я заметил, что он сразу перестал плакать и вдруг сосредоточил свой тревожно-озабоченный взгляд на лице матери.

Я взял на руки малыша, и почувствовать какого это, держать такое хрупкое и беззащитное создание. Первое, что я испытал, прижимая его к груди, это панику. А вдруг уроню? Или оступлюсь, и... Но вскоре мне удалось привыкнуть, и я не выдержал и заплакал. От счастья и горя одновременно. Ведь была огромная вероятность, что я не держал бы его прямо сейчас и не ощущал, как его мягкие ножки касаются моего плеча; не чувствовал бы прикосновение крохотных пальчиков, тянущихся к носу. Смерть была к нему так близка, дышала в затылок, уже протягивая свои костлявые ручища к этому невинному существу, но на этот раз ему повезло.

На этот раз.

Следующие две недели Лера провела в больнице. Ей запрещали вставать, ставили капельницу за капельницей и пичкали антибиотиками. Она всё думала, что проводит лишние дни вследствие кесарева, но никак не из-за жуткой операции, о которой до сих пор ничего не знала. Врач порекомендовал мне самому рассказать Лере о вынужденном хирургическом вмешательстве, поскольку подобное ей лучше узнать от меня, её мужа. Я был согласен с ним, но до сих пор никак не мог собраться с духом. Сказать подобное человеку, который всегда хотел много детишек (она не раз стеснительно шептала мне это на ушко, как только мы поженились) – дело не из лёгких. До ужаса я боялся того, как она отреагирует на подобное.

На третий день после родов Лере разрешили самостоятельно передвигаться по больнице, а вскоре принесли к ней в палату и Родиона, где они смогли находиться постоянно. Помимо врачей и акушерки к ней захаживала детская медсестра, делясь премудростями по уходу за ребенком. Мне же пришлось вернуться на службу, но каждый вечер я являлся в поликлинику повидать ее и малыша, принося вкусенького или чего-нибудь почитать.

Лера рассказывала, как сильно скучает по дому. Одиночество она скрашивала болтовнёй с медсестрой или же строила планы относительно будущего Роди: в какой детский садик следует его отдать, как только он подрастет, и сколько упаковок подгузников им предстоит купить. Даже размышляла, кем он будет, инженером или строителем?

Она ещё много чего рассказывала, но я в эти минуты находился как в омуте, пропускал её слова мимо ушей, как истукан на все согласно кивая. Я только и думал о том, как рассказать ей про операцию.

Двенадцатого ноября, за три дня до выписки Леры из больницы у майора нашего отдела случился юбилей. Григорий Александрович, так его звали, человек компанейский, большой любитель почесать языком. Он, кажется, даже рыбу, если б захотел, мог разговорить. Но вот кого он не переваривал, так это людей замкнутых и не слишком падких до пустой болтовни, одним словом, таких как я. Майор всегда был холоден со мной и общался исключительно по уставным отношениям. Но получилось так, что, обзаведясь званием отца, скромно отметив после дежурства в кругу своих коллег, Григорий А. вдруг стал первым тянуть мне руку и даже обращаться по имени. На «ты» он и вовсе перешёл без моего одобрения. Уже потом мы как-то пересеклись в курилке, где он спросил, как поживает жена и малыш.

– Да хорошо, хорошо. Лера ещё в больнице, Родя там же. – Про операцию я, естественно, даже и не думал говорить.

– Ох, Артём! – сказал он мечтательно и пустил дым сигареты изо рта. – Готовься, жизнь сейчас у тебя начнётся насыщенная, это я тебе из собственного опыта говорю. – Он крепко затянулся сигаретой и, прищурившись, продолжил:

– Пеленки, игрушки-хуюшки. Это купи, то купи! Разоришься! Но вот что я тебе скажу, ни одной копейки, что я на свою Маришку потратил, мне никогда не было жалко. Всё-таки дети – это святое.

Я молча с ним согласился.

Для себя я подметил один занимательный факт, что подмечал ранее неоднократно – стоит тебе стать отцом, как тебя автоматически принимают в секретный клуб. В этом клубе тебя все дружески хлопают по плечу, делятся историями про собственных детей и дают советы по

воспитанию. Ты вдруг превращаешься в своего парня в этой кучке. Тебе даже не прочь дать повышение по службе, что собственно и произошло со мной ровно через сутки после того, как Лера родила. Теперь я находился в должности старшего лейтенанта. Мог ли я на такое рассчитывать до появления на свет Роди? Заговорил бы со мной майор тогда в курилке, не будь я отцом? Ох, не думаю.

И все же я немного отступил от рассказа.

Юбилей майора проходил в ресторане «Синяя ласточка» неподалеку от нашего ОВД. Собралось там по крайней мере человек пятьдесят, в том числе и все из нашего отдела. Не кривя душой, ребята пришли туда, дабы умаслить майора своим присутствием, как, собственно и я – не хотелось мне терять едва обретенный статус своего парня. Но для себя я зарекся посидеть часок-другой и сразу поехать к Лере в больницу. Водку и коньяк заменил соком, чтобы не сесть за руль подшофе.

Пьяный майор заметил моё чрезвычайно трезвое состояние, и начались разговоры из разряда: «Ты меня уважаешь?».

– Товарищ майор, мне ещё к жене с сынишкой ехать в больницу...

– Так это, поедешь, Артём! Поедешь! – из его рта пахло спиртным и только что съеденным оливье. Он потянулся за графином с водкой и налил рюмку до самых краев, после чего вручил мне. – Вот что, лейтенант... Стоп... Старший же лейтенант теперь! Бери! Выпьем за тебя и сына твоего, – будущего начальника!

– Товарищ майор...

– Без званий! Сегодня я для тебя просто – Григорий Александрович.

– Григорий Александрович, ну как же я пьяный и за руль...

Майор почесал затылок, призадумался, а затем вдруг улыбнулся до ушей, как озарённый.

– А мы тебе такси вызовем! Я вызову, за свой счёт. А машину свою завтра заберёшь, ничего с ней не случится.

Он насилу всучил мне рюмку.

– Давай, за Рому...

– Родиона, – поправил я его.

– Да, да! За Родиона! Красивое имя!

Делать было нечего, пришлось пить, сначала одну, а затем и три. Пил не из уважения к его персоне, а как и любой человек в моём положении из самых простых побуждений: а вдруг повысит? или зарплату поднимет? или еще чего эдакого перепадет?

Мне с трудом удалось выбраться из лап майора и на такси – вызвал я его за свой счёт, – и убежать от этой раздражающей попсы и людского шума. В глазах двоилось и расплывалось, и я было хотел всё же поехать домой, но жутко скучал по Лерке. Да и пьян я был не так сильно, чтобы глупостей творить.

В больнице я еле уговорил дежурную санитарку пройти, и когда Лера меня увидела пьяного, то не испугалась или пришла в ступор – наоборот, тихонечко засмеялась. От её смеха мне сразу стало так тепло на душе. Я извинился и поцеловал её в щечку, объяснив причину своего опоздания.

Родя тихо сопел во сне. Я сидел рядом с ним и не мог оторвать глаз от этого прелестного создания. Мой сын... До сих пор голове не укладывалось, что это мой сын...

– Знаю, об этом еще рано думать... Но может, через годик-два заведём ещё малыша? Я очень хотела бы девочку. Да и Роде не будет скучно одному.

По спине прошёлся холодок. Я крепко сжал большой палец руки, спрятанный под кроваткой малыша. Ее разговор о будущем ребенке и опьянение придало мне храбрости.

Лучше покончить с этим здесь и сейчас.

– Лера... – тихо начал я. – Я должен сказать тебе кое-что, очень важное.

Я сел на край койки, взял ее худую ладонь в свои руки и почувствовал холодное прикосновение обручального кольца.

– Ты здесь так долго в больнице не только из-за кесарева. Есть ещё кое-что...

Я не стал вникать в подробности и пересказал лишь факты, сказанные хирургом. Лицо ее по мере моего рассказа становилось все бледнее, а глаза наполнялись слезами. Все это казалось ужасным сном, кошмаром, который должен наконец закончиться. Но, увы, то было лишь его начало.

Лера продолжала смотреть на меня с надеждой. В эти минуты она наверняка думала, что не все так плохо, что возникнуть какие-нибудь осложнения в будущих родах, или ей придётся походить по врачам ещё некоторое время. Однако это надежда угасла как свеча, как только я произнёс:

– Они вырезали у тебя матку.

Её слёзы заставили меня замолчать, да и говорить то мне больше ничего не следовало, она уже и сама всё поняла.

Поначалу Лера ударила кулаком по кровати, затем сильнее, пока удары не участились, и она впала в истерику. Она завывала и горько заплакала, заставив моё сердце сжаться в крохотный комочек. Мне стало так страшно, что я не придумал ничего лучше, чем просто крепко обнять её и прижать к себе как можно сильнее. Я ощущал её горячие слёзы, падающие на лицо и шею, как содрогалась грудь от тяжёлого дыхания.

В конце концов, плач разбудил Родю. Лера взяла его из кроватки и, покачивая, тихо стала напевать ему колыбельную, пытаюсь успокоить не то себя, не то малыша. Еще тогда я заметил, что она так сильно прижала его к себе, что на костяшках пальцев образовалась белизна. В ту минуту я не придавал этому особого значения.

Как позже оказалось – зря.

Три дня спустя Леру выписали из больницы, и мы вернулись домой. Об операции решили не говорить ни одной живой душе: ни родителям, ни друзьям, вообще никому.

Она никак не могла смириться с поставленным ей диагнозом и большую часть времени проводила одна или с малышом, практически не разговаривая со мной. Я старался не дёргать лишний раз, думая, что подобное состояние – это лишь вопрос времени. Да и побыть одной ей и впрямь не помешает.

Шли дни, а состояние Леры практически не менялось. Каждую свободную минуту своего времени она проводила с Родей, а если тот спал, сидела рядом с ним как сторожевой пес. И хоть меня это стало настораживать, а все мои попытки заговорить с ней ни к чему не приводили, я по-прежнему лелеял наивную надежду на время, которое её излечит.

На работе дела становилось труднее. Новое звание, больше обязанностей. Да и деньги позарез были нужны то на одно, то на другое. Майор был прав, говоря, что дети – это дорогое удовольствие.

Новый год мы встретили с её родителями и друзьями. Так получилось, что мой папаша и в этот раз каким-то макаром прочухал о рождении его внука и, пускай с почти полугодовым опозданием, но отправил поздравительную открытку. Её я даже не открывал, сразу бросил в помойное ведро. На этот раз Лера меня не остановила.

За новогодним столом почти все заметили неважное настроение Леры, и каждый присутствующий счёл своей обязанностью приободрить её или же поинтересоваться всё ли в порядке. По её сдержанным ответам я все думал, что ещё немного, и она вот-вот сорвётся, закричит на всех и прогонит к чёрту.

Когда все расселись за столом, Дима, мой сослуживец, типун его за язык, произнёс тост за десять минут до боя курантов:

– Дорогие мои Лера и Артём. Вот всё не могу я вами налюбоваться, красавцы, ей-богу красавцы! Правильно говорю? – все согласно загалдели, и лишь Лера натянуто улыбнулась

уголком рта. – Вот, и все присутствующие со мной согласны. Сразу видно в кого дитяtko такое получилось! Красота – от матери, а ум – от баtьки. Так давайте же выпьем за то, чтобы и следующие маленькие Соколовы, которые, я надеюсь, скоро появятся на свет, ничем не уступали нынешним! Намёк, Тём, ты понял! Работай в полную силу, хе-хе. За ваше здоровье!

Зазвенели бокалы всех присутствующих, за исключением Леры и моего.

– Лерка, чего не чокаешься! А ну, давай-ка! – настаивал Дима.

Лера подняла бокал так, словно это была гиря весом килограмм двадцать, и быстро чокнулась. Затем все начали разговаривать, обсуждая службу и всякие мелочи. Лера в это время тихонько поднялась из-за стола.

– Доча, ты куда? – обратилась к ней мать, нежно взяв за руку.

– Пойду Родю проверю.

– Да чего проверять? Спит же он. Посиди ещё, сейчас президент уже выступать будет...

Лера ничего не ответила и выскользнув из хватки матери, поспешила покинуть гостиную.

Мы с тёщей переглянулись. Её лицо было озадаченно, и она уже встала, чтобы пойти к дочери, но я вышел вперёд.

– Сидите, я поговорю.

– Артём. – Жестом она попросила меня наклониться и затем прошептала. Среди громкого смеха и разговоров я с трудом расслышал:

– С ней всё хорошо, не заболела она?

– Все хорошо, просто немного устаёт из-за ребёнка, – на ходу придумал я и поспешил покинуть зал.

Дверь в нашу спальню была приоткрыта. Из комнаты просачивался желтый свет настольной лампы, под которым Лера всегда читала перед сном. Раньше на ее прикроватной тумбочке лежало множество книг, от детективов до мистики. Их она читала все вместе по настроению. Теперь на этом месте лежали баночки с успокоительным и таблетки от мигрени. В последнее время она без конца жаловалась на головные боли.

Я прижался к стене и через приоткрытую дверь увидел, как Лера сидела возле кровати малыша и неотрывно смотрела за тем, как он тихонечко дышит во сне. Рядом с ним лежал плюшевый заяц с красным бантом, одна из первых купленных ему игрушек.

– Лера.

Я вошёл в комнату, но она не обернулась, продолжая наблюдать за Родионом. Я сел возле неё и посмотрел в её заплаканные глаза, уставленные в одну точку. От нее пахло духами с ароматом сирени. Этот запах теперь всегда напоминал мне о ней.

– Послушай, – продолжил я, так и не дождавшись реакции, – но они же не знают. Вот и говорят... Не со зла же, в конце концов. Все так говорили бы, ну.

Я все дожидался, когда она хотя бы повернется ко мне, хоть словечко скажет.

– Лер, ну поговори ты со мной. – Я коснулся её плеча. – Ну, муж я тебе или кто?

– Ты можешь оставить меня?

От её слов у меня побежали мурашки по спине.

– Слушай, – выдавил я из себя с трудом, – нам нужно поговорить. Так дело не пойдёт...

– В другой раз, – отрезала она. – А сейчас я тебя очень прошу – оставь меня.

Я сдался, посидел ещё с минуту в надежде, что все же она передумает и поговорит со мной, но, так и не дождавшись, тихо пошел к остальным.

Когда пробили куранты, Лера так и не вышла из комнаты.

Глава 3. Помешательство

Лера бросила работу и отныне всё свободное время отдавала малышу. За прошедшие месяцы с его дня рождения я не припоминал и дня, в котором не видел её рядом с сыном.

Как-то раз я предложил нам пройтись до ресторанчика, немного расслабиться, а Родю оставить под присмотром дочери нашей соседки, с которой мы уже давно успели подружиться. Её звали Машей, миленькая и воспитанная девочка. Каждый раз, пересекаясь с ней в лифте или на лестничной площадке, она вежливо здоровалась со мной и желала всего доброго. Уже потом я узнал, что она учится на филологическом. Ведь какая прелесть, подумал я тогда, оставить Родю со студенткой филфака! Но Лера посмотрела на меня как на безумного.

– Ни за что я не отдам Родю в руки какой-то девки! – возразила она тогда.

– Да ты чего, Лер! Милая девчонка, заработает заодно, да и ты от Роди отдохнёшь уже...

– Отдохну от собственного сына? Ты вообще себя слышишь?

Её было не переубедить.

Каждый день, возвращаясь с работы, я наблюдал одну картину: Лера открывает мне дверь с ребенком на руках и уходит с ним в спальню смотреть телевизор, пока я разогреваю ужин. После мы перекидываемся парой дежурных фраз о том, как прошел день, а затем она уходит в спальню, где укладывает его в колыбельную и засыпает.

Порой я чувствовал себя персонажем Билла Мюррея из «Дня Сурка», попавшего во временную петлю. Не менялось ничего, за исключением самого Роди, у которого выросли светлые волосы. А еще он научился ходить и смешно падать на мягкий ковер. Правда смешным это казалось только мне, для Леры это было соизмеримо с тяжелым ранением, полученным в бою, и она быстро бросала все и прижимала совершенно спокойное чадо к груди, сюсюкаясь с ним.

Со временем я стал немного ревновать жену к собственному сыну. Даже и подумать не мог, что в мире вообще возможно подобное! Но судя по статьям в интернете, такой феномен действительно существовал. Мне не хватало Леры, её заботы и ласки, не хватало секса в конце концов, которым мы не занимались со времен родов. Кроме того, прежде и довольно худая, теперь она походила на ходячий скелет – ничего не ела, кроме проклятых таблеток. Я был подавлен, но не сдавался, желая все это исправить.

Спустя год после рождения Родиона я вручил Лере конверт. Чтобы получить его, мне пришлось незаметно откладывать с полочки некоторую сумму в течение полугода. Я был уверен, что на этот раз содержимое конверта сработает как ацетон, способный наконец отклеить мою жену от сына.

– Что это? – спросила она, взяв подарок одной рукой, а другой придерживая Родю. Ручки его сразу потянулись к бумаге.

– А ты открой, – сказал я с интригой в голосе.

Лера положила в кроватку малыша, словно хрупкую китайскую вазу, и открыла конверт. Я с волнением наблюдал за ее лицом, ожидая наконец заметить на нем улыбку, ту самую, которой она одаривала меня каждый день до рождения Родиона.

Из конверта она вытащила сертификат, огранённый красной рамкой. В центре наверху был изображен микрофон в зажатой руке, шнур от которого тянулся вниз, образуя надпись:

*ВОКАЛЬНАЯ СТУДИЯ «ГАРМОНИЯ»
ПОДАРОЧНЫЙ СЕРТИФИКАТ НА 30 СТУДИЙНЫХ ЗАПИСЕЙ
СТАНЬ ЗВЕЗДОЙ УЖЕ СЕГОДНЯ!*

ПОДАРОЧНЫЙ СЕРТИФИКАТ ВЫДАН:

Ф. И. О.: СОКОЛОВОЙ ВАЛЕРИИ БОРИСОВНЕ

Выражение лица приобрело оттенок хмурости и даже злобы. Она медленно подняла глаза и выжидающе посмотрела на меня.

– Ты же всегда хотела стать певицей. Вот и решил немного подкоптить, и...

– Сколько? – голос ее был холоден и тверд как булыжник.

– Лер, какая разница?

– Сколько?! – ещё твёрже произнесла она, почти крикнув.

– Да немного, около пятидесяти...

– Пяти... – она опешила, села на кресло и с тем же осуждением произнесла. – И это, по-твоему, немного?

– Лера, не беспокойся о деньгах. У нас...

– Держи. – Она протянула мне сертификат. – Пусть вернуть деньги.

Я тяжело выдохнул, уже ожидая ее дальнейшей реакции.

– Они не возвращают деньги.

– Что? – Мышцы на её лице судорожно дёрнулись.

– Они не возвращают деньги, – повторил я. – И перепродать я его не смогу, потому что он записан на твоё имя.

Она схватилась за волосы и спрятала лицо в руках.

– Идиот... Какой же ты идиот...

Сказанное ей вонзилось мне ножом в сердце. Никогда прежде она не оскорбляла меня. Услышать это было для меня такой неожиданностью, что я попросту встал как вкопанный не в состоянии вымолвить и словечка.

– Нет бы, ребёнку смесь купить или ползунков новых. Или коляску получше... а он... тратиться на всякую херню.

Тут-то моё терпение лопнуло. Я знал, рано или поздно это произойдёт и всячески пытался оттягивать этот момент или хотя бы предотвратить его, но в этот раз все зашло слишком далеко.

– Хватит уже думать только о ребенке! – крикнул я. – Подумай уже наконец о себе! Ты только и делаешь, что целыми днями сидишь с ним, как полоумная наседка. Вот когда ты последний раз выбиралась на улицу без него, а?

– Перестань орать, ты его пугаешь! – громко прошептала она, но было уже поздно. Родя закричал и заплакал, наблюдая за назревающей ссорой родителей и попутно произнося какие-то звуки, отдалённо напоминающие слова. Лера взяла его на руки и принялась убаюкивать.

– Лера, – я попытался успокоиться. Да и вид плачущего сына заставил остыть. – Мы должны с тобой серьезно поговорить. Меня не устраивает...

– Нам не о чем разговаривать, – отрезала она.

– Ты слишком привязана к ребёнку, – сказал я и решил произнести вслух то, о чём неизменно думал вот уже последние несколько месяцев:

– На нём свет клином не сошёлся. Ты не сможешь быть с ним постоянно рядом и оберегать его от каждого дуновения ветра!

– Как ты можешь говорить такое! Он твой сын! – крикнула она.

Родя снова заплакал, но Лера стала укачивать его бойче обычного.

– Да, он мой сын! А ты – моя жена! И мне нужна моя жена, а не поехавшая на ребенке дура!

Едва сказав эти слова, я понял, как сильно погорячился. Ну не было у меня больше сил терпеть, и на время накопленная злость приняли эстафету у здравого смысла.

Красные и водянистые от слёз глаза смотрели на меня как на прокаженного. Она сделала шаг назад, крепче прижав ребенка к себе, и сказала:

– Уйди, не хочу тебя видеть.

Чтобы не сделать хуже ни себя, ни ей, я молча вышел на улицу, прихватив пачку сигарет.

Я сел за руль и поехал, куда глаза глядят. Я был переполнен ненавистью к Лере, к черствости и полного безразличия ко мне. А при мысли о сыне я чувствовал необъяснимую раздражительность, от которого было стыдно, но и избавиться от этого чувства я был не в силах.

Впоследствии, после нашей очередной ссоры, поездка на машине вошла у меня в привычку.

Прошли еще полгода, но ничего не менялось, за исключением Роди, который уже всю исследовал нашу скромную квартиру на своих двоих, то и дело падая на живот. Как и все дети в его возрасте он уже успел обжечься, пролив себе на руку чашку горячего чая, произнести первое «мама» и «папа», а также «дай» и «кушать». И, разумеется, пользоваться планшетом, где мог просиживать, часами смотря мультфильмы. Он рос как сорняк в заброшенном огороде.

Мои же отношения с Лерой за эти полгода были совсем ни к черту. По вечерам меня ждал холодный ужин, сделанный скорее для галочки. Но даже он впоследствии поменялся на замороженные обеды, купленные в местном магазинчике мной же.

Мы почти не разговаривали, лишь изредка обмениваясь будничными вопросами. Превращение беседы про наши мечты стали напоминать мне древний миф, сказание о котором вскоре будет безвозвратно потеряно. Всё, что некогда связывало нас, теперь таяло подобно куску масла на раскаленной сковороде.

Вся моя жизнь превратилась в тягучую рутину. Но Леру это как будто бы совсем не смущало. Она продолжала проводить время исключительно с ребёнком. Даже уложив его в постель, она еще долго наблюдала за тем, как он всхлипывает и дергает своими ручками и ножками, прежде чем отправиться в постель. Ложась рядом она говорила дежурное «спокойной ночи», и, поворачиваясь спиной ко мне, быстро засыпала. Про секс я и вовсе не мечтал. Её тело, её нутро кричало, выводя огромными буквами у меня над головой, что сегодня я не получу желаемого. Не получу его завтра и послезавтра, и, быть может, уже совсем никогда. Дошло до того, что, проснувшись в одно субботнее утро от криков Роди, которого уже убаюкивала Лера, напевая ему колыбельную на ушко, я обнаружил, что мои трусы были мокрыми от спермы. Я почувствовал себя глупо, и мне хотелось засмеяться во весь голос. Это же надо, взрослый мужик, у которого есть красавица жена, кончает во сне как двенадцатилетний подросток!

Помешательство Леры на нашем сыне не давало мне покоя. Все мои неоднократные попытки обратить жизнь в прежнее русло ни к чему не приводили. Она отказывалась со мной это обсуждать и лишь сообщала, что поступает правильно, уделяя сыну так много внимания.

После одной из смен я впервые поймал себя на мысли, что мне совершенно не хочется возвращаться домой. Так повторялось день ото дня, и каждый раз я, под предлогом завала на работе, оставался в участке чуть дольше. Всеми силами я хотел избежать очередной уже опостылевшей ругани, ставший в этой семье ежедневным ритуалом. Сил не было смотреть на Леру, а в особенности Родю, вызывающего у меня ничего, кроме неприязни. Для меня он был причиной всех бед. Именно после его рождения моя Лера изменилась до неузнаваемости. Уж лучше бы никогда она не рожала! Никогда бы не узнавала про этот проклятый диагноз и осталась той самой Лерой – девчушкой, играющей в парке на гитаре и мечтающей о карьере певицы. Той, которую я полюбил больше жизни.

Скоро мы с Лерой и вовсе перестали разговаривать как нормальные люди. Отныне наши беседы состояли из одних лишь криков и упреков друг друга по поводу и без. Предметом нашей очередной ссоры мог стать, например, громкий звук телевизора или сразу выброшенный мусор. Со временем воздух в квартире пропитался запахом раздражения, от которого я при первой же возможности убегал, заводя авто и разъезжая по городу куда глаза глядят. Плевать на бензин, к чёрту деньги – лишь бы подальше от этого гадюшника.

Одна из таких вылазок и привела меня в небольшой бар на окраине Москвы, куда я, впоследствии, зачастил наведываться для опрокидывания рюмашки другой водки.

Вскоре поход в бар вошел у меня в привычку и почти каждый вечер я непременно навещался в его тусклую обитель. Находясь там, среди таких же одиноких мужиков, пьющих стакан за стаканом в потемках приглушенного света лампы, я чувствовал себя хоть на этот вечер свободным от семейных дрызг.

Иногда я выпивал не один, а в компании людей, чьи лица и имена забывал уже на следующий день.

Разумеется, Лера заметила мою новую привычку и первым ее упреком была не причина, а следствие: она была возмущена, что я просаживаю деньги на выпивку, а не на очередной хлам для ребёнка. Казалось, ей совершенно было плевать, почему именно я начал пить и заботило лишь чёртово содержимое моего кошелька.

Потом наступила трехлетняя годовщина нашей свадьбы. Я заставил себя не пойти в бар, надеясь, что, хотя бы сегодня, в столь знаменательный для нас обоих день мне удастся направить наши почти достигшие дна отношения в нужное русло. К тому же я был уверен, что именно в этот день Лера не откажется от приглашения посетить небольшой ресторан, которым владел мой друг, решивший сделать нам хорошую скидку (именно этим я хотел парировать очередную жалобу Леры касаясь финансов).

Явившись домой со скромным букетом цветов, я обнял её исхудавшую фигуру и рассказал о своем подарке.

– Это будет стоить нам вообще ничего, так, чисто символически, – поспешил я заранее ответить на возмущение касаясь цены. – Мишку Самойлова помнишь, одноклассника моего? Он к нам в гости приходил, когда ты еще беременна была, с кудрявыми волосами. Так вот, он тут годом ранее ресторан грузинский открыл, все нахваливают. Нас позвал, пообещал хорошую скидку.

Ее лицо было совсем безучастным. Я уже угадал ее следующий вопрос:

– А Родя?

– Возьмём его с собой. Там в этом ресторане у детишек есть отдельная комната, где за ними...

– Нет, – твёрдо ответила она. – Я не хочу, чтобы мой сын лазил где ни попадя, а уж тем более среди других детей.

– Лера, – тяжело выдохнув, сказал я. – Ты будешь сидеть в пяти метрах от той комнаты и сможешь приходить к нему, когда пожелаешь...

– Я сказала нет, неужели непонятно?! – с уже привычным для меня раздражением произнесла она, хотя я отчетливо услышал, что в голосе её что-то дрогнуло. – Там не пойми какие дети будут. Вдруг они его ударят? А если он упадёт как-то не так и себе шею свернет? Ты знаешь, сколько детишек на подобных вот штуках себе руки ломали?

– Не знаю...

– А я вот знаю. И если бы тебе Родя был не безразличен – знал бы.

В этот момент из комнаты показался и сам Родя с любимым игрушечным зайцем. Заметив цветы в руках матери, он, с ехидной улыбкой бросил игрушку на пол, подбежал к ней, обнял за ногу и ручками потянулся к букету.

– Дай! – крикнул малыш.

– Если ты так хочешь в этот ресторан, – безразлично продолжала Лера. – То Родя будет сидеть с нами. – Она взяла его на руки и принялась укачивать, пока тот тянулся к столешнице, на которой лежал букет.

«Если ты так хочешь в этот ресторан...», – повторил я про себя ее слов и почувствовал подступающую к горлу горечь.

– Я думал, что мы хотя бы немного можем побыть наедине... Без него.

– Я уже устала слышать, как ты хочешь отдохнуть от нашего единственного сына.

– Да ты от него не отлипаешь! – немного повысил я голос, не сдержавшись. – Кем он вырастет, если будет сидеть взаперти семь дней в неделю? Ему нужно выходить на улицу, пытаться общаться со сверстниками! Он должен получать все эти синяки, как их получали мы, когда были его возраста! Неужели это непонятно?

– Всё, разговор окончен, – отвернувшись, сказала она.

– Дай его сюда, – я едва не сорвался на крик.

– Я сказала уйди. Катись в этот бар или куда ты там ходишь каждый вечер.

– Отдай мне моего сына! – я схватил её за плечи и повернул к себе лицо. – Я не позволю тебе так с ним обращаться!

У меня перед глазами помутнело от злости. Обида к Лере придушила меня до потери разума. Я потерял контроль над собой и попытался выхватить из рук Родиона.

– Не трогай его! – кричала она, отбиваясь свободной рукой.

Но меня было не остановить. В моей голове поселилась навязчивая мысль, что, если я не заберу сына от нее прямо сейчас, его ждёт ужасное будущее. Какое? Я понятия не имел, но эта навязчивая идея накрепко засела у меня в мозгу, и я был готов бороться с родной женой до последнего, напрочь позабыв про самоконтроль.

Я схватил тянущуюся за букетом ручку малыша и потянул её на себя так сильно, что послышался хруст. В прихожей раздался детский крик, сравнимый с воем сирены. Плач сына заставило спасть тёмную пелену с глаз. Я понял, что сотворил нечто ужасное.

– Большой! – закричала на меня Лера, прижимая к себе малыша. Её глаза налились слезами. Лицо побледнело пуще прежнего. – Пошёл вон отсюда!

– Я... я не нарочно, я...

Беспомощно я пытался найти в своем непростительном поступке оправдания. Но всё было без толку.

– Вон! Не хочу тебя видеть! – Лера схватила телефон, поспешно набирая номер скорой. – Убирайся!

Я сделал шаг к ней, надеясь исправить содеянное, но стоило мне увидеть её взгляд... Никогда в жизни я не забуду этого взгляда. Сколько же ненависти и отвращения было в нем. Крепко сжимая ребенка, она, казалось, готова была вцепиться мне в глотку.

Молча я сделал шаг назад и вышел в подъезд, где из соседних квартир уже показались головы любопытных зевак.

– Идите обратно! Нехер тут смотреть! – крикнул я с раздражением.

Наши ссоры давно стали местным достоянием.

Глава 4. Искушение

Нет ничего более умиротворяющего, чем ночная загородная трасса. Блеклый свет фонарей один за другим проносятся за окном; разметка на дороге вводит в необъяснимое спокойствие, на грани с трансом; а в радио успокаивающим голосом продолжается беседа ведущего со слушателем, который делится своим мнением относительно последних новостей. К нему не прислушиваешься, не пытаешься уловить каждое его слово, а скорее так, наслаждаешься чьим-то голосом, пускай и не отвечающий тебе в ответ.

Я сильно полюбил это время. Сбегать из дома, как бы ужасно это ни звучало, теперь было не так тяжело, как прежде. Ведь я знал, что сейчас сяду за руль, поеду в сторону полупустого шоссе и смогу на время забыться. А по приезде в бар так и вовсе пережитое дома в этот вечер забудется как страшный сон. Сегодняшний день я хотел забыть особенно сильно.

– Водки, – сделал я заказ у бармена, едва войдя в бар.

Пару минут спустя рюмка была пуста.

– Повтори.

Бармен молча налил еще. Рюмку я осушил, едва она оказалась у меня в руках, но образ Роды стоял перед глазами. Его красное, заплаканное лицо. Вопль сынишки по-прежнему звучит в ушах, и я должен, нет, я обязан его заглушить. А ещё этот взгляд Леры... Я до сих пор не мог забыть искру злобы в ее глазах. Этот хищнический взгляд...

– Ещё. – Я поставил пустую рюмку на стойку.

– Может, не стоит так налегать, начальник? – дал мне совет бармен. Он знал о моей работе и должности старлея, как и поименно всех завсегдатаев его заведения.

– Слушай, просто молча налей и всё, – грубо ответил ему я.

Бармен сопротивляться не стал, налил ещё. Но едва опрокинув очередной стакан, я ощутил прикосновение к плечу, от которого меня почему-то бросило в приятную оторопь.

– Тёмка, ты, что ли? – услышал я женский голос сзади.

Обернувшись, я не поверил своим глазам.

– Настюха? Тушёнова?

Она кивнула, подтвердив догадку. Это действительно была она, моя одноклассница, с которой я не виделся с самого выпуска. Наверное, я бы вовек не узнал, если б не её мечтательная улыбка, ничуть не изменившаяся с тех пор. У каждого человека помимо характера во внешности есть некая особенная черта, выделяющая его среди прочих. У Насти Тушёновой это была вот эта самая улыбка.

– Ну, уже не Тушёнова, конечно... – она показала мне безымянный палец с золотым кольцом. Я, конечно, не ювелир, но выглядело оно крайне дорогим. – Но по-прежнему Настя.

– Слушай, да тебя не узнать! – я вежливо оглядел её с головы до пят. – Как же ты изменилась!

В школьные года Настя была полноватой девчушкой, а вкупе с её фамилией она была обречена на прозвище «тушёнка». Сколько же боли доставляла ей эта кличка! Почти весь класс считал своим долгом раз в день обзывать её до такой степени, что она, вся в слезах, убегала в женский туалет. Правда и там, порой, ей не давали проходу. Девчонки в эти года были ничуть не лучше мальчишек и издевались над «тушёнкой» не хуже парней. Не помню точно, но как-то раз я слышал, что они сняли с неё лифчик и отдали младшеклассникам, которые потом бегали с ним, изображая парусный корабль.

Я же, теперь уже к моему великому сожалению, оставался совершенно непричастными к её издевательствам. Я не защищал её, но и не глумился. Уже взрослым я иногда вспоминал толстущку из нашего класса, и мне становилось страшно стыдно за моё бездействие. Но даже

этот стыд со временем осел и Настя Тушёнова по кличке «тушёнка» стала едва уловим и далёким воспоминанием. До сегодняшнего дня.

Сейчас передо мной сидела не тучная девчонка, передвигающаяся по школьному коридору вразвалочку как медвежонок. Настя, без преувеличения, выглядела роскошно. Кончик длинной чёлки светлых волос почти касался её левого века. Короткая стрижка отлично сочеталась с вытянутым лицом и заостренным подбородком. Карие глаза, обведённые тоненькой, едва заметной тушью, ярко блестели в потемках бара. На худых плечах была накинута легкая кожаная куртка с расстёгнутым замком, под которой майка подчеркивала её упругую грудь. Ноги обтягивали обыкновенные синие джинсы, выделяя мускулистые бёдра.

– Спасибо, – ни капли не смущаясь, ответила она. – А ты вообще не изменился. Я тебя едва заметила и сразу узнала. Все такой же тихоня, одиноко сидящий в углу класса. – Она кивнула мне, намекая на моё отдалённое место в баре у самой стены.

– Мир тесен, а? – добавила она.

– Да уж, теснее некуда, особенно когда весь твой мир – Москва, – согласился я.

Она игриво мне подмигнула.

– Значит, за это и выпьем! – она взяла в руки стакан заказанного ей виски. – За сближающую старых знакомых Москву!

– Пожалуй, почему бы и нет?

Мы чокнулись. Она сделала пару лёгких глотков, я же осушил половину рюмки и почувствовал приятное покалыванием по всему телу.

– Был уже здесь? – спросила она, облокотившись на руку.

– Бывал. В последнее время так и вовсе чаще обычного, – с досадой подметил я.

– Проблемы дома? – взглядом она указала на моё обручальное кольцо.

– Типа того, – признался я, хотя на трезвую голову этого ни за что не сделал бы.

Приятная забывчивость стала отступать при одном лишь упоминании Леры. Я решил сменить тему:

– Ну что, рассказывай! Что же такое произошло, что перед собой я сейчас вижу совершенно иного человека?

И она начала рассказывать. Говорила она живо, интересно, слушать ее было одно удовольствие. Коротко она поведала о том, как закончив обучение в школе надеялась начать все заново в вузе, без издёвок и насмешек, поступив на факультет менеджмента. Но и там её ждала прежняя участь быть изгоем, но на этот раз с кличкой «ГОСТ». Стоило мне это услышать, как я не выдержал и, будучи уже подвыпившим, прыснул от смеха. Всё же в изобретательности придумывания прозвищ студентам было не занимать.

Я раскраснелся от стыда, но к счастью, Настя тоже засмеялась так, что у неё из глаз выступили слёзы. Заметив моё смущение, она сказала, что все эти издевки в далеком прошлом, и она не держит обиду ни на кого из одноклассников и однокурсников. Особенно она не держит зла и на меня, человека, который и вовсе всегда стоял в сторонке.

– Знаешь, – сказала она после уже второго стакана с виски. – Я для себя пришла к выводу, что каждый человек рано или поздно просыпается утром и его вдруг озаряет, что прожитая им жизнь – и гроша ломаного не стоит. Такое может произойти в тридцать, сорок, да хоть в пятьдесят... У меня вот это случилось в двадцать один год, когда я вскочила с постели, посмотрела в зеркало и увидела жирное уёбище...

– Потихе, потихе... – едва сдерживаясь от смеха, произнёс я.

– ...и решила, что это нужно менять. Да и не только это, все! Я взяла документы из этой чертовой шараги, сильно поругалась с родителями, переехала от них в съёмную комнату и устроилась в одну небезызвестную рыгальню помощником повара. Зарплаты едва хватало гасить аренду. А для экономии я вообще ела сплошные дешёвые каши, крупы и супы. Но, как видишь, оно того стоило.

Проработав год в адских кухонных условиях, где не было ни минуты покоя, она, в конце концов, уволилась. К тому времени Настя успела изрядно похудеть, но и этого достижения ей оказалось мало. Она желала стать идеальной. У неё было стремление быть в центре внимания не только за счёт хорошенькой фигуры, но и собственных мозгов.

Она стала искать работу в области рекламы, где раз за разом получала отказы. Знаменательное событие для нее было просто попасть на интервью, которое в большинстве случаев заканчивались фирменным «мы вам перезвоним». Так длилось почти полгода, и без того крохотная заначка начинала исчезать, пока в один прекрасный день ей не удалось попасть в одно из самых влиятельных рекламных агентств.

– Со слов креативного директора он во мне что-то заметил, но давай будем честны, Оба мы знаем, что именно. Вы мужики только и способны думать тем, что у вас между ног. Но в этом случае это пошло мне на пользу. Уверена, придя я к нему в роли Тушёнки или ГОСТа, решение о моём найме было бы принято через наносекунду.

Настя получила должность младшего копирайтера. Работа давалась ей тяжело, но она упорно шла к цели, опережая всех соперников.

Уже через год она получила свое первое повышение и существенную прибавку к зарплате. Вскоре она познакомилась и с будущим мужем, работавшим этажом выше в отделе руководства, а еще спустя несколько лет она заполучила должность человека, некогда проводящего с ней первое собеседование. Настя хоть и скромно, но описала свою трёхкомнатную квартиру на Пресненской.

– Настюш, я вот чего-то не пойму... Ты живёшь, блин, на Пресне... а тут-то какого хрена делаешь в этой дыре?

Язык от выпитого количества водки у меня уже заплетался. Я хоть и попытался сказать это тихо, но бармен все равно услышал нелестный отзыв о своём заведении и угрюмо посмотрел на меня. Я выпятил ладони вперед, как бы извиняясь перед ним.

Настя развела плечами.

– Не знаю. Хотя нет... знаю... – алкоголь тоже ударил ей в голову, но выглядела она куда трезвее меня. – Мне это напоминает, с чего я начинала. Раньше подобное заведение мне было бы не по карману. Миска вот с этими фисташками ударила бы по кошельку так, что я бы расплачивалась за нее неделю, а теперь... Блядь, я теперь хоть сотню таких мисок могу заказать, и мне вообще по барабану! Я себя чувствую здесь хозяйкой. Если захочу – могу всю эту дыру купить, а завтра снести её к ёбаной матери.

– А я бы на твоём месте не вылезал бы из каких-нибудь крутых заведений. Вот должен был тут пойти в один такой ресторанчик, да вот не получилось...

– Так поехали сейчас, а? – она взяла меня за руку. – Я один ресторанчик знаю, там и еда, и выпивка... Ты обязан просто попробовать. Угощаю!

– Слушай, да нет, наверное, я...

Я было сказал, что мне следовало бы прямо сейчас отправиться домой к Лере и узнать, как там Родя. Но одна лишь мысль о возвращении туда сводила меня с ума. Я ощущал, как меня подташнивает от одной только мысли, что я переступаю порог нашей однушки.

– А к чёрту! – возразил я сам себе и вытащил из кармана ключи от машины. – Поехали.

– Потихе, потихе, товарищ лейтенант. Мне ли вам говорить о вождении в нетрезвом состоянии? погоди, я вызову такси. Потом заедешь за своей хондой. – Марку машины она произнесла с неким пренебрежением.

Глубоко внутри себя я осознавал, что делаю неприемлемое. Ночью, неведомо где шляюсь с чертовски привлекательной барышней. Но видит Бог, как же мне хотелось забыться. Смять и выбросить все те плохие воспоминания за последние несколько лет, и хотя бы один вечер провести как нормальный человек.

На заднем сиденье такси Настя начала кокетничать со мной. Даже находясь в уже подда- том состоянии, мне не составило труда уловить её намеки, когда она, как бы невзначай, каса- лась моей ноги или плеча. Пальчики её заигрывали со мной, тихонечко щекоча, а затем лукаво отстраняясь, как ни в чем не бывало. Я чувствовал, как она смотрела на меня, улавливал её лисий взгляд. В груди у меня всё пылало. Вот уже давно я не чувствовал такого возбуждения, но, тем не менее, старался оставлять намеки без ответа. Перед глазами до сих пор стояла Лера и Родя. Моя семья. По сути, я уже совершил преступление против них, сев в это такси, но ничего с собой не мог поделать. Прямо сейчас мною двигали древние животные инстинкты, побороть которые никак не получалось.

В ресторан мы прибыли ровно в полночь. Заведение это ни капли не было похоже на то, в которое я хотел сводить Леру. Здесь все было пропитано богатством и роскошью. Войдя в него, я чувствовал себя мухой, случайно залетевшей в пчелиный улей. Но вскоре, энергичная джазовая музыка и дополнительная пара стаканов с диковинным шотландским виски сделали свое дело, и я, как ни в чем не бывало, стал частью этого прежде недоступного мне общества.

Флирт со стороны Насти не прекращался. Сначала она сидела за столиком напротив меня, затем, я даже не помню, как это произошло, уже оказалась рядом. Она слушала мои рассказы о рутинных полицейских буднях с видом дурочки, хотя такой явно не была. Когда же речь зашла о моей семье, в частности про Леру, её это, будто бы наоборот раззадорило, и она села совсем близко, прислонившись ко мне своими бёдрами. Но к тому времени я уже не замечал её намеков, поскольку был настолько пьян, что с трудом соображал какое сейчас время суток.

Расслабляющая обстановка ресторана, приятная музыка и дорогая выпивка сделали дело, и я, подчиняясь своим животным инстинктам, стал отвечать ей: клал руку на подлокотник дивана рядом с ней, а затем незаметно для себя опускал на шею; или поправлял её локон, сползающий к левому глазу.

Вся та грусть и тоска, сжимающая мое сердце, постепенно давали слабину. Родя, кото- рому я наверняка повредил руку, был затоплен в уже чёрт знает каком по счёту рюмке водки и виски, как и его мать. Центром всего моего внимания была Настя и дно стакана.

– Поехали ко мне? – шепнула она мне на ухо. Я почувствовал тёплое дыхание, от кото- рого меня бросило в дрожь, а член, уже и без того твёрдый, готов был вот-вот взорваться от возбуждения.

С ответом я соображал долго. Что-то внутри меня усиленно боролось, не давая мне ска- титься до уровня примата.

– Настя, я же... – я показал ей свое обручальное кольцо.

Она улыбнулась.

– Тёмка, у меня такое же колечко есть. – Она показала своё, которое вовсе не было «таким же». Её колечко стоило, наверное, как вся моя квартира. – Ты расслабься, просто заночуешь, а утром поедешь. Мне тебя в таком состоянии страшно отпускать даже в такси.

Ее слова в тот момент показались мне пьяному убедительными, но все же борьба внутри меня ещё усиленно продолжалась вестись. Поэтому я возразил:

– Да всё хорошо, Настён. Доеду!

Она взяла меня за руку.

– Так, лейтенант, успокойся. Чего ты как маленький. Ты же вообще никакой. Я здесь живу в пяти минутах.

– А муж как же?

– Лёня у меня в Париже сейчас. Какой-то очередной форум, чёрт его знает... Прилетит только дня через три.

– Ну... ладно, – сказал я, с усилием. – В таком случае я заплачу! Официант!

Настя рассмеялась.

– Я тебя пригласила, вот и оплачу. Оставь свои правила патриархата. В наше время женщина может зарабатывать и побольше мужчин.

Я ещё какое-то время спорил с ней насчёт оплаты, но когда увидел счёт с пятью цифрами, все же уступил даме.

Настя не соврала, она и вправду жила в нескольких минутах в высоченном здании в богатых апартаментах. Видеть мне такое приходилось разве что в кино. Огромные окна открывали вид на всю Москву. Кухня, кажется, была больше моей однушки. От этого места разило роскошью, до которой мне было как до луны с моим окладом.

– Чувствуй себя как дома. – Настя протянула мне бокал красного вина. – А я пока пойду сполоснусь.

Я хотел спросить, где я буду спать, но не успел – плеск воды уже всюду гремел в ванной комнате. Соображал я туго.

Сделав глоток вина, я стал расхаживать по квартире, и на удивление совершал это без всякого риска рухнуть на пол, поскольку небольшая прогулка по ночной Москве меня немного отрезвила.

В квартире стоял приятный цветочный запах. Каждая вещь, от комода до шкафа выглядела как новенькая, только что из магазина. Я прошёл ещё дальше и обнаружил небольшую комнату с тренажерами внутри: брусья, беговая дорожка, штанга и много другого причудливого спортивного инвентаря о предназначении которых мне оставалось только гадать. Судя по впечатлительным формам Насти, в этой комнатке она проводила больше всего времени. Мне даже взбрело в голову опробовать один из тренажеров, но успел отговорить себя от этой глупой затеи.

Скоро я добрался и до спальни с огромной кроватью. Мы с Лерой до сих пор не могли себе позволить купить самую обычную кровать, довольствуясь раздвижным диваном. А здесь! Кажется, тут могло поместиться человек пять.

Боковым зрением я заметил на комодe рамки с фотографиями. На каждой из них была запечатлена Настя либо одна, либо со своим мужем (я понял, что это он, увидев их совместную свадебную фотографию). Эта парочка, судя по снимкам, побывала на каждом клочке земного шара: вон они катаются на лыжах в Альпах, здесь едут верхом на верблюдах среди пустыни, а на другой, держа мачете в руках, пробираются через густые заросли джунглей. Меня всегда удивляло, как богачи успевают выделять время на подобные поездки и при этом колотить состояние.

Разглядывая фотографии, я вдруг почувствовал, как на меня смотрят из тени в конце спальни. Вход в неё был по правую руку от меня, так что, если б это была Настя, я бы обязательно её заметил. Да и вода в ванной до сих пор шумела.

«Настя ошиблась, – подумал я, – это наверняка её муж. Он приехал раньше, или вовсе никуда не уезжал».

Я решил не гадать и развернулся, но к счастью не обнаружил в тёмном углу комнаты никого, кроме кота. Да, это был обыкновенный пушистый кот с чёрной шерстью и белым воротничком. Он сидел на середине кровати и неотрывно смотрел на меня своими большими, жёлтыми глазами фонарями. Хвост был в состоянии покоя, ухо не дёрнулось, и он скорее напоминал египетскую статуэтку, чем живого кота. От этого, казалось бы, с виду безобидного создания у меня почему-то пробежались мурашки по телу.

– Ну, привет, пушистик.

Кот не шевельнулся и тогда я подумал, что, кажется, так перебрал с выпивкой, что зверь мне мерещится. Я решил проверить это на деле, приблизился к кровати и протянул руку, чтобы погладить пушистого. Суженные зрачки, при виде моих пальцев, не надулись, как это происходило с обычными котами. Хвост не вилял влево вправо как метла. Животное не двигалось. И в ту секунду, как только я почти коснулся его мягкой на вид шерстки, невидимая

каменная скорлупа, до этого обволакивающая его, вдруг треснула, и он поцарапал мне руку до крови, после чего прыгнул в сторону и удрал в соседнюю комнату.

– Маэстро, кыш! Кыш! – услышал я позади голос Насти.

Я и не заметил, как она уже вышла из ванной. На ней был надет шелковый халат чёрного цвета, и ткань его была столь тонка, что из-под неё выпирали твердые соски. Покраснев, я поспешил отвернуться.

– Сильно поцарапал? Он обычно ласковый, а тут... чёрт знает, что на него нашло. – Она села возле меня и взяла за руку. – Надо спиртом обработать. Погоди, где-то тут у меня...

Запах миндаля, исходивший от её чистого тела, сводил меня с ума. Я понимал, что теряю голову и поэтому, собравшись с последними силами, решился сказать:

– Настя, спасибо тебе за сегодняшний день, за предложение переночевать... Я должен идти, понимаешь? Рад был повидать тебя...

– Я понимаю, – ответила она, нежно улыбувшись. – Но давай я всё-таки обработаю тебе царапину? А потом закажу тебе такси, раз уж ты настаиваешь.

– Хорошо, – согласился я и сел напротив неё.

Из тумбочки она достала перекись и вату, которыми начала осторожно заниматься моей довольно пустяковой царапиной. Наблюдая за её заботливыми движениями, я почему-то вспомнил, как покалечил руку сыну. Осознание этого как будто только сейчас пришло ко мне, и я почувствовал, как в глазах стало щекотать. И как сильно я не пытался сдержать, одна из них все же капнула на худенькую ручку Насти.

– Тёма, ты чего? – спросила она.

А я не выдержал и заплакал. Я уже и не помнил, когда последний раз со мной происходило нечто подобное. И плакал я не только из-за Роды. Казалось, что все те переживания и муки, что я накопил за последние несколько лет, разом прыснули через мои глаза и безостановочно падали то на ладонь Насти, то на спальное бельё. Мне было больно, невероятно больно. Сердце разрывалось на куски. Да и выпитое за вечер себя проявило.

– Тёма, ну ты чего... – Она обняла меня, и я почувствовал, как её упругая грудь упёрлась в мою.

– Извини, я... не знаю, как так получилось, – сказал я, шмыгая носом. – Просто я сделал одну ужасную вещь и теперь не могу себе этого простить.

– Все мы когда-нибудь делаем что-нибудь ужасное. Такая у нас природа. – Она взяла мой бокал и отпила глоток. – Нам остаётся только жить с этим и извлекать урок. Просто постарайся забыть об этом как можно скорее.

– Как же я могу забыть такое?

Настя ничего не ответила. Вместо этого она встала напротив меня и скинула свою пижаму. Шёлковая ткань скользнула по её шее, грудям и бёдрам, пока не упала на пол. Внутри меня бурлил фонтан возбуждения. Её тело, боже мой, тело было идеальным. Такое можно было увидеть только на обложках глянцевого журналов. На стройном животике были заметны небольшие кубики пресса; упругие груди выглядели как два идеально одинаковых холмика. Но самым привлекательным в ней мне казались её бедра, которые я, к моему великому стыду, грезил поразглядывать обнажёнными, едва встретив её. Даже не верилось, что у неё когда-то были такие клички как «Тушенка» и «ГОСТ».

Я потерял дар речи. Лера в эти секунды стала для меня тусклым огоньком едва потухшей свечи, в то время как Настя горела как тысячи огней, ослепляя своим тёплым светом. Она села на мои ноги, и я почувствовал жар её лона, от которого мой член был готов взорваться. Мне хотелось войти в нее, соединиться с ней и стать единым целым.

– Я помогу тебе, – шепнула она мне на ухо. Всё тело у меня покрылось мурашками.

Более я не сопротивлялся. Моё животное нутро взяло вверх. Все потаённые фантазии, что я ненароком воображал последние несколько часов, становились явью.

Я схватил её, повалил на кровать и, дрожащими от возбуждения руками, расстегнул пуговицу джинсов. Между ног у неё было так мокро, что я с лёгкостью вошёл в неё. Я был намеренно груб с ней, не вкладывая в свои движения ни капли нежности. Я никогда не занимался сексом с проституткой, но был уверен, если бы до этого дошло, всё происходило бы точно так же. Но Насте, судя по всему, это нравилось. Она крепко вцепилась в мои бедра и сдавленно кричала, то и дело приговаривая полушёпотом моё имя как заклинание.

Вскоре я положил её на живот, прижал лицом и на этот раз взял сзади. В это мгновение мне почему-то вспомнилась одна статья, которую я вычитал из интернета. В ней рассказывалось про наших далеких предков: кроманьонцев и неандертальцев. Особенно я запомнил один отрывок про их беспорядочную половую жизнь. У них ещё не существовало таких понятий как муж и жена, и поэтому каждый мужчина мог без всяких обязательств сношать любую представительницу противоположного пола лишь для удовлетворения своих низменных желаний. Статью я эту вспомнил лишь потому, что прямо сейчас чувствовал себя таким вот пещерным человеком, решивший поставить удовлетворение своих потребностей выше супружеской клятвы.

Но я ничего не мог с собой поделать. Тело не принадлежало мне в эти минуты, а разум спал глубоким, пьяным сном.

– Можешь в меня кончить, я на таблетках, – сказала она, верно угадав.

Я так и сделал. Боль и злость, накопившаяся во мне за эти пару лет выплеснулись вместе с долгой нехваткой секса. Никогда в жизни я не ощущал такого сильного оргазма. Но кончив, я понял, что этого недостаточно. Перед глазами всё ещё стояли эти ужасные воспоминания: как Лера узнает новость о своем бесплодии, как она отказывается выходить из дому, помешанная на сыне и, как я, в конце концов, ломаю ему руку.

Ломаю руку собственному сыну.

И если алкоголь не способен заглушить это, то, быть может, секс поможет.

Едва кончив и снова взглянув на лежащую возле меня Настю, я уже вскоре наблюдал, как она залезает на меня, предварительно засовывая мой вновь отвердевший член в себя.

Мы занимались любовью всю ночь, пока я, полностью не лишившись сил, под самое утро не заснул мертвецким сном.

Проснувшись, я первые несколько минут был в оцепенении и не мог понять, где нахожусь. Я смотрел на натяжной потолок в надежде, что на нём как на бумаге образуется ответ на вопрос о моём местонахождении. Я ощущал себя парализованным: не чувствовал тела, дышалось с трудом, и голова совершенно не слушалась.

Несколько минут спустя я ощутил чувство вины. Из моих внутренностей словно вырвали кусок и бросили как использованную тряпку. Но почему это происходило? Бардак в голове не давал покоя, пока я наконец не услышал, как неподалеку закипал чайник.

И тут все прояснилось. События прошлой ночи окатили меня ледяной струёй. Я вспомнил все до мельчайших подробностей: бар, встречу со старой одноклассницей, поездку в ресторан, затем в её дом, и...

– Господи, – шипло произнёс я и про себя произнёс ужасное: «Я изменил. Изменил своей жене. Изменил Лере».

Пустое и не заправленное место рядом на кровати лишь подтверждали это.

В голове сразу пронеслось сотни картин, похожих на фотографии. Вот я с Лерой знакомлюсь на улице, когда она играет на гитаре, ее голос и улыбка ошеломляют меня и я тут же в неё влюбляюсь. А вот впервые встречаемся после долгой разлуки и обнимаемся: она почти плачет, а я сдерживаюсь, хоть и хочется. Потом свадьба, рождение нашего сына, и...

Все эти воспоминания превратились в петлю, начавшую меня душить. Я попытался встать с постели, но вместо этого грохнулся прямо на пол, ударившись головой о прикроватную тумбочку. Но даже эта боль и наполовину не перекрыла ту, что разъедала меня изнутри.

Схватив в охапку свою одежду, я поспешил одеться, пока не почувствовал аромат кофе. В дверях с подносом в руках, на котором и был тот самый кофе с парочкой круассанов, стояла Настя. Её ночнушка была распахнута так, что половинки груди выпирали наружу. Трусов на ней не было вовсе, гладковыбритый лобок так и дразнил коснуться его снова.

– Утро доброе! – явно в приподнятом настроении сказала она так, словно между ними вчера ничего не было. Она положила поднос с завтраком на кровать и села на корточки. – Садись, кушай.

Я недоумевающе смотрел на неё некоторое время, прежде чем сказать:

– Я пойду.

– Уже? – откусив круассан, произнесла она. – Да покушай хотя бы.

– Нет, я... – в комнату важной походкой зашёл кот. Он прилёг рядом с хозяйкой и уставил на меня свои большие жёлтые глаза. На мгновение это сбilo меня с толку. – Я должен идти.

– Я закажу тебе такси.

– Нет, – отрезал я, а затем вежливо добавил:

– Спасибо, не надо.

На ходу надев джинсы с кофтой, я направился в прихожую. Настя, с чашкой кофе в руке последовала за мной.

– Артём, – сказала она, наблюдая, как я надевал кроссовки, совершенно не вписывающиеся в стоящие около дорогие туфли и сапоги.

Я сделал вид, что не услышал её. Больше всего мне хотелось как можно скорее покинуть эту квартиру.

Настя подошла ко мне и коснулась моего подбородка, обратив на себя внимание.

– Тебе незачем волноваться, – прошептала она, точно уловив моё состояние. – Мы с тобой взрослые люди. Никаких обязательств. Просто отдохнули от уже опостылевшей друг другу рутины, вот и всё.

Я ничего ей не ответил, хоть её слова и кольнули меня, особенно про рутину. Она действительно мне опостылела, но тот способ, которым я решил с этой рутинной бороться...

Ещё вчера ночью, занимаясь с Настей любовью, я думал, что это исцелит меня. Не знаю, как и каким образом, но обязательно поможет выпустить всю ту накопившуюся за последние годы мерзость. Но, как оказалось, все стало только хуже.

Хотел бы я знать, с какой стати Настя поступила так со своим мужем? Неужели дело в рутине? В любом случае это не имеет значения, сделанного не воротишь.

– Прощай, – сказал я ей.

– Береги себя, – ответила она мне и поцеловала в щёку. Почему-то от этого поцелуя мне не было не по себе, а даже совсем наоборот. Я почувствовал исходящую от неё искренность. Она действительно желала мне всего самого лучшего.

Я кивнул ей в знак благодарности и вышел в прихожую. Зайдя в лифт, у меня в голове начали появляться навязчивые идеи. Одна из них, например, заключалась в том, что в кабине лифта наверняка установлена камера, где мы были запечатлены с Настей вдвоём. Ещё одна касалась консьержа, пожелавшего мне доброго утра внизу – он наверняка запомнил меня, незнакомца, идущего под ручку с жительницей этого роскошного жилого комплекса.

Таких мыслей в голове у меня родилось ещё с десятков, пока я ехал на такси к тому злополучному бару (ведь бармен тоже меня видел с ней!), забрал свою Хонду и поехал домой.

А ещё я все думал о том, как бы отреагировала Лера, узнав о моей измене. Лишь только представив это, меня тошнило.

Господи, как же я ненавидел себя.

Я долго стоял возле двери, не решаясь достать из кармана ключей от квартиры. Я так и представлял, что пытаюсь открыть дверь, а он не подходит. Лера наверняка успела за ночь сменить замки. Или вызвала моих коллег, если я решусь заявиться домой. А может, предупредила всех соседей, чтобы те, в случае как заметят меня, поспешили за неё вступиться. Возможно, она и вовсе уехала к матери с отцом в Воронеж. Одним словом, могло произойти что угодно.

Но не только это удерживало меня в подъезде. Я крепко размышлял о том, что мне сказать Лере, если я все же застаю её дома. Как мне смотреть ей в глаза после содеянного? Достоин ли я теперь стоять возле неё, и хотя бы пытаться оправдываться перед ней?

Мне хотелось ударить кулаком о стену и бить до тех пор, пока кожу не сотру, пока не почувствую хоть малейшее облегчение. О как же я себя ненавижу! Как же хотел я хотя бы болью заглушить тот ужасный стыд, окутавший меня с головы до пят.

Я постарался собраться с силами и дотянулся до кармана джинсов, где зазвенела связка ключей. Чтобы сейчас не произошло – будь что будет! Как бы я ни боролся с самим собой, прошедшая ночь останется со мной навсегда, и ничего с этим не поделаешь.

Тихо я вставил ключ в замочную скважину. После поворота раздался тихий щелчок, затем ещё раз, пока дверь не открылась. Прежний замок оставался на месте.

«Значит, она точно уехала к матери», – предположил я.

Но всё же решил проверить.

Оказаться в прихожей своей каморки после роскошных апартаментов на Пресне было странно. И всё же этот дешёвый шкаф-купе из ДСП, потёртый коврик и простенькое зеркальце, на которое, как я часто вспоминал, Лера заставляла меня посмотреть ещё раз, если я возвращался домой, забыв какую-нибудь мелочь, стали вдруг для меня самыми бесценными на свете. Чувство вины усилилось втрое.

На пластиковой этажерке я заметил её единственную пару кроссовок. Ими Лера пользовалась редко, поскольку почти никогда не выходила на улицу. Стало быть, она была дома.

Всё также тихо сняв обувь и скинув в шкаф куртку я направился в комнату. Едва коснувшись двери, я услышал тихое пение. Подглядев в щёлку, я заметил, как Лера, сидя на табурете возле детской кроватки, напевала под нос колыбельную Роде:

Спи, дитя моё, спи, усни! спи, усни!

Сладкий сон к себе мани:

В няньки я тебе взяла

Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;

Солнце скрылось под водой;

Ветер, после трёх ночей,

Мчится к матери своей.

Спи, дитя моё, спи, усни! спи, усни!

Сладкий сон к себе мани:

В няньки я тебе взяла

Ветер, солнце и орла.

Она вдруг перестала петь и развернулась в мою сторону. Она вскочила с места и прижалась спиной к кроватке, загораживая меня от ребенка. Наблюдать за этим было невыносимо. В её глазах я был зверь, животное, навредившее нашему сыну. Единственному сыну.

Не бросив ни слова, я зашёл в комнату и в эту же секунду Лера, в мгновения ока, бросилась в сторону. Нешадно она начала тарбанить по ней, моля о помощи соседей. Я кинулся к

ней, схватил за талию, чтобы оттащить, но она начала сопротивляться, нещадно колотя меня по спине. Один из ударов пришелся мне по голове, но я стерпел. Я чувствовал, что заслужил каждый её удар, даже больше этого.

Держа её, я силой усадил на пол возле кровати Роди и крепко прижал к себе. Она не переставала бить меня и кричать, зовя на помощь. Кажется, уже весь дом знал о нашей очередной перебранки и, как и прежде, не обращал внимания.

– Прости меня, – сдавленно произнёс я.

Я прижал её к себе ещё крепче, уткнувшись в худенькую шею. Её запах, родненький сладковатый запах сирени так сильно и отчетливо коснулся меня, что я, в конце концов, не выдержал и заплакал.

– Прости меня, Лерочка, – я почти задышался от истерики. – Прости меня, пожалуйста, прости, прости, прости...

Её удары смягчились, а затем и вовсе прекратились. Она пыталась оттеснить меня от себя, но я боялся, что если допущу это, то больше никогда не смогу прикоснуться к ней.

– Ну, хватит, – дрожащим голосом сказала она. – Ну, перестань, Артём. Ну...

Я почувствовал, как холодные слёзы упали мне на руки. Она обняла меня в ответ, так же крепко, как и я.

– Прости меня, прости, прости... – повторял я как помешанный.

– Хорошо, солнышко, хорошо, и ты меня прости. Господи, и ты меня прости! Я была не права, так не права...

Долго еще мы сидели на полу, крепко стискивая друг друга в объятиях. Сидели, кажется, до тех пор, пока не проснулся Родя, прося покушать. Уже тогда я узнал, что Лера вызвала врача, который диагностировал лёгкий вывих плеча у Роди, но на всякий случай порекомендовал пройти МРТ. Мы так и сделали в этот же день, записавшись в одну из платных поликлиник. Последующая томография подтвердила диагноз врача, все обошлось, ничего серьёзно.

Затем в нашей семье по-прежнему висела туча раздора. Лера, хоть и приняла мои извинения, но общалась со мной с неохотой. То же самое можно было сказать и про Родю, старательно избегающего меня, прячась за спиной матери. Прошло несколько недель, прежде чем все вернулась не только на круги своя, но и наоборот, стало только улучшаться.

В тот день, когда я пришёл домой после той злополучной ночи, Лера тоже искренне извинялась передо мной. Позже, когда мы с ней решили поговорить об этом, она сказала, что действительно была не права, удерживая Родю все время дома.

– Я действительно помешалась на нём, – сказала она тогда, лежа со мной в постели. – Всё думала, что уберегу его, моего единственного сына от всех опасностей только в четырех стенах. Но... – Она повернулась ко мне. – Извини, что мне приходится снова вспоминать об этом, но когда ты сделал ему больно, я поняла, что нет смысла прятать его в квартире. Уж лучше он поймёт, что такое боль на детской площадке от других ребятшек, чем от родного отца.

Именно в тот день я начал осознавать, что моя Лера, та самая мечтательная девочка с гитарой в парке хоть и частично, но возвращается. Мое предположение лишь укрепилось, когда она мне припомнила те самые сертификаты, что я пытался подарить ей еще год тому назад. Каким же удивлением для меня было, когда она действительно решилась записать несколько песен.

Все шло как нельзя прекрасно, за исключением, конечно, нахлынувшего на весь мир Коронавируса, изрядно потрепавшему нервы. Нашу семью эта смертельная зараза, к счастью, обошла стороной.

Прошлое постепенно отступало, а с ним и те неприятные воспоминания с их невыносимой болью. Я знал, что мой поступок, будь то лёгкий вывих руки родному сыну или измена моей любимой Лере останутся со мной до самой смерти, но теперь, хотя бы, я чувствовал её менее отчётливо, чем раньше.

Но судьба решила распорядиться иначе. Порой она словно злобное божество хочет тебе припомнить все твои ужасные грехи в троекратном размере. И хочешь не хочешь, но будешь расплачиваться по полной.

Глава 5. Трагедия

Декабрь того года выдался на удивление теплым. Снега выпало самую малость, солнце неустанно грело землю, а москвичи диву давались небывалой для такой поры погоды. Предновогодняя суматоха еще затаилась и лишь тихонечко зарождалась в недрах офисов, где по-прежнему хоть и лениво, но кипела работа. Люди были в предвкушении скорых праздников и уже делились планами на долгие полторы недели выходных.

У нас на участке кто только куда не собрался. Григорий Александрович, наш майор, в очередной раз собрался на горнолыжный курорт в Гудаури, Грузия. С его слов туда он летал уже раз пять и готов был слетать ещё столько же, так сильно нравилось ему скатываться на лыжах со склона высоченных гор Большого Кавказского хребта.

Димка Прохоров, мой сослуживец, решил отпраздновать новый год неподалеку от Москвы и снять небольшую хижину с камином и, как он часто любил выражаться «фулл сервисом». Туда уже запланировано подъедут родня со стороны его жены и, конечно же, его родители и парочка друзей. Он позвал и нас с Лерой, но я был вынужден отказаться. Так уж сложилось, что у нас еще с месяц назад были куплены билеты в Таиланд – путешествие, на которое мы копили целый год.

С нетерпением я ждал дату вылета в 30 декабря. Я так и видел, как садимся мы все втроем, самолет взлетает и через четыре часа приземляется в аэропорту Паттайя. А там замечательные пять дней, без надоевшей Москвы и слякоти под ногами.

Да и за границей я никогда не бывал. Интересно же было посмотреть...

Лера успела составить для нас целую развлекательную программу на время отдыха. Кажется, она горела этим путешествием не меньше меня. Видеть, как моя Лерочка, любимая Лерочка вновь ожила и постепенно оправлялась от поставленного ей диагноза, не могло не радовать.

Двадцать восьмого декабря, в первый же день моего едва начавшегося отпуска, мне поступил звонок из участка, попросили выйти на оплачиваемую смену. Отделение не справлялось из-за начавшегося этим утром митинга на Ленинградском вокзале, и срочно требовались лишние руки. Мне страшно не хотелось никуда идти, но делать было нечего. Служба как-никак.

В этот же день мы все должны были поехать сдавать ПЦР-тест, иначе в Таиланд дорога была закрыта.

– Там до четырёх работает поликлиника, где бесплатно можно сдать, – сказала Лера, смотря на экран ноутбука. – Успеешь?

– Зараза, – раздосадовано произнёс я. – Не, точно не успею. Там делов с этими бузотерами до позднего вечера.

– Ну а если за сутки сдадим? Чего там, денек всего, не убудет.

– Не вариант. Мне Димка рассказывал, что у него знакомый за сутки сдал ПЦР, а его прямо на стойке регистрации развернули, мол, за двое суток минимум.

– Эх, и что делать будем?

– Езжайте вы с Родей, сдавайте, бесплатно же, в конце концов. А я тогда где-нибудь рядом с работой его платно сдам, по электронке потом результаты пришлют. Платные-то обычно допоздна работают.

– Уверен?

– Ну а что делать-то... Я тогда машину тебе оставлю, чтоб с Родей тебе не таскаться, а сам в метро.

– Хорошо, – поблагодарила она меня и поцеловала в щёку.

В тот день мне и поступил звонок от Игоря Павловича, сообщившего мне ужасную трагедию спустя пару часов после того, как я прибыл в отделение. Так произошло, что он был прямым свидетелем случившегося и без проблем согласился рассказать мне, как все произошло.

Мы сидели с ним в полупустом участке; внутри все давно ушли в отпуск или, в преддверии праздника, сачковали прямо на рабочих местах, раскладывая пасьянс или торча в телефонах. И только мы с Игорем сидели в запертой комнате и курили сигарету за сигаретой. Он даже выпить мне предложил, но я отказался. Какая тут к черту выпивка.

– Супруга твоя, Артём, – (мы уже договорились с ним перейти на «ты»), – никаких правил не нарушала, ты я думаю, и сам это знаешь. А вот дурень этот малолетний... эх. В общем, на мосту том строительные работы велись, меняли ограждения. На соседней улице эти митинги проходили, может, слышал про них. Вот и выбежал один из этих сопляков на проезжую часть, от ОМОНовцев удирал. Нёсся как ошпаренный, бежал среди грузовиков и тракторов и, видать, растерялся, да и выскочил на дорогу, а там жена твоя его в последний момент заметила, руль вывернула и всё... в реку. Как назло, туда, где ограждение меняли. Я-то все это видел, стоял на встрече, как раз по вызову на этот самый митинг...

Я молчал, представляя себе, как это могло произойти.

А Игорь тем временем продолжал пересказывать случившееся, а я невольно представлял себе в голове этот ужас.

Вот Лера резко выворачивает руль и на мгновение машина становится неконтролируемой. В эти секунды в салоне тихо, она настолько сосредоточена, что закричать просто не хватает сил.

Красны форд замер на считанные секунды и передней частью сначала медленно, а затем быстро наклонилось вниз, сменяя безоблачное небо в лобовом стекле на заснеженный лед. И только лишь когда Родя закричал «Мама!», она поняла, что сейчас может произойти нечто ужасное.

Она потянулась к малышу, попыталась его отстегнуть, но едва она коснулась ремня, как её дёрнуло вперёд, и она почувствовала, как машина летит вниз, прямо на ледяную корку Москвы-реки.

Все случилось так быстро, но в то же время так медленно. Родя не понимает, что происходит. Он напуган и тихонечко плачет, дёргая ручками из стороны в сторону.

Когда бампер Форда проломил лёд, обнажив непроглядную водяную тьму, она поняла – это конец. Конец для нее, но не её сына. Материнский инстинкт вывел из состояния шока. Она попыталась высвободить Родю из автокресла, пока тот плакал, не переставая, но ремешок заклинило, он никак не хотел отстёгиваться. Авто тем временем медленно шло ко дну, Лера дрожащими руками боролась с неподдающимся ремешком, попутно пытаясь успокоить плачущего малыша, шепча ему, что всё будет хорошо. В конце концов она психанула, как следует выругалась и, бросив напрасные попытки освободить сына из плена автокресла, взглядом начала искать свою сумочку. Ее перепуганные глаза метались то к бардачку, то под ноги, то на заднее сиденье, но сумка как под землю провалилась.

– Ну где ты, сука? Где ты?!

Она протиснулась между кресел к пассажирским местам, посмотрела вниз и наконец увидела сумку на коврике возле левой дверцы. Именно в этот миг все окна Форда закрипели и покрылись трещинами, предупреждая, что времени осталось в обрез.

Лера, с трудом дотянувшись указательным и средним пальцем до ремешка сумки, сумела её подцепить и придвинуть к себе. Вернувшись на место, она, не раздумывая, принялась выбрасывать из неё всё: паспорт, косметичку, влажные салфетки, ключи.

– Всё хорошо, сыночка, всё хорошо...

– Мааааа, – тянул малыш, широко раскрыв рот. – Мааааааа...

Не выдержав давления, окна машины окончательно треснули, и в салон хлынул поток ледяной воды. Лишь на мгновение Лера отвлеклась от сумки, убедиться, не чудится ли ей вся эта вода, а потом продолжила упорно рыться в вещах. Но то, что она искала, никак не желало попадаться ей в руки. Она взвизгнула, несколько раз ударив ладонью по приборной панели, но, дав себе секунду перерыва, продолжила поиски.

Вода уже касалась её коленей. Она ощущала прикосновение холода к её животу, бёдрам и груди.

Наконец в её пальцах оказался заветный швейцарский нож, который она носила с собой в сумке все это время, но, поскольку совершенно им не пользовалась, давно забыла, где именно тот лежал.

Половина салона меж тем уже была затоплена.

Она обернулась к Роде и обомлела. Из воды торчала лишь светленькая макушка её мальчика. Ручки, искаженные водой, барахтались из стороны в сторону. Лера поднырнула и увидела, как сын открыл рот и глотал воду. На кону была каждая секунда. Она принялась разрезать ремень; делать это приходилось одновременно быстро и аккуратно, дабы не поранить мальчика. Кажется, прошла вечность, прежде чем ремень лопнул и дал ей освободить сына из трижды проклятого автокресла.

Мириады ледяных игл вонзились в её тело. Она не помнила, как ей удалось вылезти из салона с малышом в руках, а уж тем более не помнила, как сумела проплыть пару метров, прежде чем её схватил Игорь и вытащил к берегу.

– Не будь льда, прыгнул бы вниз, глядишь, помог выбраться заранее, – с досадой произнес он. – А так пришлось до конца моста бежать, затем вниз на набережную, потом по льду... а там уж сам понимаешь.

Игорь потушил бычок в пепельнице и сразу же выудил из пачки новую сигарету.

– Захлебнулся парень. Я его пытался откачать, как нас учили, все делал правильно, но там уже без толку все было... – он закурил дрожащей рукой. – Я много конечно на дорогах повидал, но такое... Её потом два мужика здоровенных еле оттащили от тела, вцепилась в него как кошка, кричала, что не отдаст. Я уж потом, когда с ней поговорить с ней узнал про тебя. У неё истерика, она двух слова связать не в состоянии, вот я и попросил ее мобильник, тебе позвонить. Вот так вот...

Сигарету он по итогу не докурил и с натянутой ухмылкой потушил ее, как следует раздавив.

– Вот блядь, сложится же так, а? – продолжал он. – И все в один день, как заговор какой. Ограждение меняют, и митинг этот, чтоб его... Верить после этого начинаешь во всякое нехорошее...

Я не знал, что ответить. В голове у меня как пленку заело и из раза в раз воспроизводило случившееся. Игорь будто бы уловил это и не мешал мне, тихо сидя в сторонке и наблюдая в окно.

– А что с этим, который на дорогу выскочил? – наконец поинтересовался я.

Мой собеседник тяжело вздохнул.

– Смылся он. Из-за всей этой суматохи, на него и внимания потом не обратили. Но ты не переживай, найдем, сам знаешь, как это у нас устроено: камеры проверим, свидетелей поспрашиваем... Найдётся гад.

– Спасибо тебе, – поблагодарил я его уже немного погодя, собираясь уходить. – За то, что пытался... – Я не смог договорить.

– Не надо. Не благодари. – Он положил мне руку на плечо. – Держитесь. Если будет нужна какая помощь, звони. Я тебе скину СМСку.

Как и любой другой человек на моём месте я, разумеется, не поверил, что Роди больше нет. Я был твердо убежден, что это какая-то злая шутка и отчётливо запомнил свою первую встречу с Игорем на месте аварии, сообщившему мне тогда ещё кратко о случившемся. Услышав эти слова, я захотел ему сломать челюсть. Наброситься на него и вцепиться в глотку и раз и навсегда дать ему понять, чтобы он не смел так шутить со мной. И лишь вечером того же дня прибыв в морг я убедился, что он не соврал. Под хлопчатобумажным покрывалом, который приподнял работник морга, я увидел своего сына. Не похожего на него ребёнка, не какого-нибудь клона, а своего сына с родинкой на шее слева, родимым пятном возле локтя и бледным шрамом на среднем пальце правой руки: год назад он порезался, пытаясь помочь маме собрать осколки разбитого стакана.

Из морга я молча проковылял к выходу на улицу, сел на ступени, несмотря на мороз, вытащил пачку сигарет из кармана, дрожащими руками выудил одну, но та упала в сугроб, так и не оказавшись у меня в зубах. Я тихо плакал и все вспоминал Родю, его ребяческую улыбку, его звонкий голосок и первую попытку выговорить слово «компьютер».

Лере, несмотря на незначительные ссадины и синяки, пришлось хуже. За все ее недолгое пребывание в больнице я не отходил от нее ни на шаг, с ужасом ожидая ее пробуждения после очередного вколотого ей укола успокоительного, чувствуя себе при этом совсем как тогда, три года назад, когда должен был рассказать ей про операцию.

Когда она проснулась, то сразу стала плакать. Я крепко обнял ее и принялся утешать, держа при этом так сильно, словно боялся, что конец этих объятий ознаменуется нашей разлукой.

Самым горьким было осознание того, чем именно по-настоящему является для Леры гибель её единственного сына. Единственного и последнего.

Леру выписали через пару дней. За всю дорогу она не проронила ни слова, дёргая левой ногой и грызя ногти.

Зайдя в квартиру она, не снимая обуви, направилась в детскую, открыла дверь и застыла. В отличие от меня, в ней еще теплилась призрачная надежда, что все это есть не что иное, как длительный кошмар или чья та злая шутка. Только вот, увы, это было не так.

Кроватька была застелена, мягкие игрушки, разбросанные на полу, теперь выглядели потерянными и опустошённым. Лера медленно подошла к кроватьке, прижала пушистого зайца с лентой, лежавшего рядом, и тихо заплакала.

– Лера.

– Уйди. – Она усиленно, даже одержимо гладила зайца по ушам.

Я не стал сопротивляться, молча закрыл дверь и ушёл в подъезд курить. Там, на лестничной площадке меня встретил сосед, который, откуда-то уже узнав про наше горе, выразил свои соболезнования.

И началось...

Кажется, за всю мою жизнь телефон не разрывался от звонков так часто, как за прошедшую неделю. Слова утешения от знакомых и друзей мне казались пустыми. Особенно тошно было вылавливать среди их соболезнований намеки на то, что Лера молодая и обязательно родит ещё ребёнка. Если б они только знали...

Каждое упоминание о сыне вонзилось в меня толстой, отравленной иглой. Эти два дня были сущим кошмаром, и я знал, что они продлятся еще долгое время, прежде чем хоть немного уляжется. Если вообще уляжется.

Я старался держать себя в руках, в первую очередь ради Леры, которая спала вот уже сутки в соседней комнате. Сейчас она как никто другой нуждалась в любви и заботе.

Глава 6. Похороны

Родители Леры приехали через три дня после случившегося. На плече тёщи висела большая кожаная сумка; у тестя старенький потертый чемодан в одной руке, а в другой кучка полиэтиленовых пакетов с выцветшими рисунками и с чем-то увесистым внутри. Судя по их скарбу, к нам они прибыли надолго.

Лера их не встретила. Когда мы все втроем зашли в комнату, она сидела возле кровати и тихо напевала себе под нос. Почему-то именно тогда я понял, что она ещё не скоро оправится. Да и можно ли вообще оправиться после подобного?

Потом я наблюдал, как Марья Павловна крепко прижимала к груди дочь. Борис Степанович же отрешенно стоял рядом и с виду места себе найти не мог.

– Пойдем чайку что ли поьем, Тём, – подсказал мне тесть. – Пусть одни побудут.

Когда мы зашли на кухню я услышал вибрацию телефона и подумал, что сейчас меня ждет очередная порция соболезнований, выслушивать которых уже не было сил.

– Возьмёшь? – спросил Борис Степанович.

Я махнул рукой, мол, ну его к черту и полез за коробкой с чаем.

Вибрация прекратилась, но через несколько секунд началась заново.

– Да ёшкин кот... – выругался я и в итоге взял телефон в руки.

На дисплее я увидел неизвестный номер.

Плевать, подумал я и принял вызов.

– Слушаю, – сказал я хмурым голосом и, дав сигнал тестю, что сейчас вернусь, вышел в коридор.

– Тёма? Это ты? – голос показался мне отдалённо знакомым.

– Кто это?

– Это папа, Тём.

Я едва сдержался, чтобы не бросить трубку и не послать его куда подальше.

– Чего тебе?

– Я знаю, что произошло. – Послышалось, как он шмыгнул носом. – С Родей... Я... Артём, почему ты не позвонил? Почему сразу не сказал мне?

– Как ты узнал?

– Это не важно, – ответил он мне. – Почему ты не позвонил?!

В голосе его я услышал отчётливый упрёк, что меня слегка выбило из колеи.

– С чего это вдруг? – тут и я начал смело огрызаться. – Я перед тобой отчитываться не обязан, ясно? Тебе до меня никогда не было дела, а уж до Родиона и подавно.

– Это неправда.

– Не корчи из себя дурака. Единственный, кто тебе был дорог все это время – это ты сам и бутылка водки.

– Артём, давай не будем об этом. Хотя бы сейчас...

– Не указывай мне, понял? Я тебе уже не мальчишка.

– Пожалуйста, выслушай меня. Я тебя очень прошу.

– Не собираюсь я тебя слушать. И вообще, не звони мне больше никогда.

– Артём!

Я бросил трубку.

Он попытался ещё несколько раз дозвониться, но я сбрасывал вызов, а потом и вовсе добавил его номер в черный список.

Днем тёща стала настаивать на поход в церковь, чтобы поговорить с батюшкой. По её словам, он каким-то чудом должен был помочь Лере и мне. Я сразу же отказался. С Богом во

всех его проявлениях я был не в ладах, сколько себя помню. Лера тоже стала артачиться, и тогда теща плюнула, да просто предложила дочери прогуляться по парку.

По итогу я и Борис Степанович остались в квартире одни. Едва Лера с тещей вышли за порог, мы с ним открыли окно и закурили. Курить жуть как хотелось, а бегать постоянно в подъезд не было ни сил, ни желания.

Мы с ним сухо обсудили тему Коронавируса, волна которого спала этим летом, а на замену ей пришла вторая, еще более опасная; поговорили о футболе, в целом о спорте и лишь один раз он упомянул внука, заметив рисунок карандашом, закреплённый магнитом на холодильнике. На нем была изображена Лера: фигура у неё была в виде треугольника синего цвета (наверное, так он пытался изобразить её любимый свитер), руки ниточки держали какую-то штуку, которую при близком рассмотрении можно было определить, как микрофон. Вместо рта был чёрный кружочек, – видимо так он пытался показать, что мама поёт.

– Родя рисовал? – спросил тесть, указывая на холодильник.

Я молча кивнул.

На мгновение на лице старика появилась ухмылка от рисунка, – чудное изображение Леры и впрямь не могло не вызвать улыбки, – однако та вскоре растворилась, вновь сменившись тоской.

– Тяжело Лерку такой видеть, – начал зять, затянувшись сигареткой и хмыкнув, добавил:

– Помню, как мы по выходным к Машиной бабке в деревню ездили под Воронежем, ну там картошку копать, огурцы сажать, одним словом по хозяйству помогали. Бабка там была уже в возрасте, девятый десяток сменила, да и с головой у неё был бардак. Вот и Лерку брали с собой.

– Бардак с головой? – уточнил я.

– Ну, вроде как, деменцией это называют? Забывалась часто, глупости всякие говорила, ругалась... Но была совершенно безобидной.

Он подвинул к себе миску и стряхнул пепел, после чего продолжил:

– Вот Лера там по участку и носилась, бегала, рот постоянно красным от только что съеденной малины был. В общем, шлодила по полной. Она даже сдружилась с местной пацанвой и подначила их яблоки таскать для неё у соседей. Помню, как застали мальчишек за воровством, ругани было столько, всю деревню на уши подняли! Мальчишкам ремня всыпали, и никто из них не признался, что их Лерка надоумила яблоки-то тырить. Видно, стыдно им было сознаться, что девчонка ими помыкала. Мне это Лерка уже потом рассказала, когда постарше стала.

Я улыбнулся, представив себе эту картину, правда тяжело верилось, что Лера могла подобное учудить.

– А потом в один день её как подменили, – лишив себя прежнего задора в голосе, продолжил тесть. – Хмурой она стала, часто в комнате запиралась, почти не разговаривала, разве что сама с собой. Мы с матерью и поговорить с ней пытались, и узнать в чём дело – без толку. Она стала в позу и молчала, вообще нас бойкотировать и просила оставить одну, даже до ругани доходило. Мать она так и матом даже посылала...

Борис Степанович прервал на время рассказ и посмотрел в окно, будто вспоминая события тех дней.

– Забили мы с матерью тревогу, силой повели Лерку к врачу, и он посоветовал творчеством заниматься. Вот мы и отдали её на уроки гитары, у меня как раз после службы лежала, почти не тронутая. Это и впрямь помогло, она стала разговорчивее, всё нам песни выученные пела, играла... Но знаешь, всё равно она так этой «другой» и осталась. Как будто часть её, вот та самая озорной, вечно улыбчивой девчонки, навсегда затерялась. – Он потушил сигарету о миску. – Вот и сейчас гляжу я на неё, и она как будто вновь превратилась в ту неразговорчивую, не желающую ни с кем иметь дело маленькую девочку. Хотя, казалось бы, когда такое

горе вместе надобно держаться, особенно с родственниками. Мы же не чужие люди, в конце концов...

На этом Борис Степанович закончил.

Я подумал что-нибудь спросить приличия ради, да ничего не нашлось. Хотелось просто молчать.

Так и просидели пока Лера с матерью не воротились. Лера сразу же пошла в комнату, громко хлопнув дверью – как дала знать, чтобы её не трогали, – а Марья Павловна зашла к нам.

– Ну как оно? – спросил зять.

На что теща резко отмахнулась и подошла к окну, тихо заплакав.

День этот казался мне несоизмеримо долгим, и когда на часах уже было десять часов вечера, я даже был рад, что он наконец подходит к концу. Родителей мы расположили на кухне, на надувном матрасе; его пришлось в срочном порядке покупать в близлежащем торговом центре.

Ночью заснуть не получалось. Пару раз подходил к окну и всматривался в окутанную сумерками детскую площадку. Сам не знаю зачем.

Потом я возвращался в холодную кровать и вновь наблюдал, как Лера, тихо шмыгая, лежит ко мне спиной. Мне так хотелось обнять её, шепнуть ей приятное на ушко, но отчего-то страшно боялся, как она на это отреагирует. Мне она чудилась хрупкой китайской вазой, от малейшего прикосновения к которой она раскрошится на мелкие кусочки.

На похоронах мне довелось быть лишь однажды. Мой одноклассник, его звали Сережей, упал с крыши тринадцатого этажа при неудачной попытке прыгнуть на соседний дом. В те времена мы, мальчишки, насмотревшись таких фильмов как «13-й район» и «Ямакаси» грезили паркуром и пытались повторить трюки, которые выделявали главные герои этих фильмов. Помню, как он на моих глазах после прыжка ухватился за карниз, но вдруг соскользнул и полетел вниз. Все произошло так быстро, что, никто из мальчишек даже ахнуть не успел.

Больше всего мне запомнилось как Серёжа, падая, не издал ни единого звука, даже не крикнул. Будто он заранее был готов к этому.

Отчетливо я помню, когда его опускали в могилу под истерику его матери, бабушки и другой собравшейся родни, я не проронил ни слезинки. Мне было страшно неловко: как так, все плачут, а я не плачу? Даже нарочно заплакать не могу?

Вот и сейчас, но теперь на похоронах собственного сына, я не чувствовал совершенно ничего, кроме пустоты где-то в глубине себя. Не хотелось плакать и видеть всю собравшуюся родню и знакомых. Я желал только одного – пускай всё это как можно быстрее закончится, и я начну жить заново.

Мне просто скорее хотелось перевернуть эту страшную главу.

Атласный гроб с Родей и его любимым плюшевым зайцем внутри стоял в центре траурного зала. К телу выстроилась небольшая цепочка из чуть больше дюжины человек, в основном моих коллег. Почти все подходили либо ко мне, либо к Лере, утешительно хлопали по плечу и приносили очередную порцию соболезнований, от которых у меня уже был ком в горле.

После прощания гроб взяли четверо моих сослуживцев и понесли к могиле. Только этим утром, изъявив желание тащить гроб вместе со всеми, я узнал, что по традиции кровные родственники этого делать не могут. Ну раз так, то пускай.

Дорога до могилы была недолгой. Не прошло и десяти минут, как гроб уже стоял возле заранее выкопанной ямы. Там я последний раз посмотрел на светлые волосы Роды и на его маленькую родинку на шее, которую почти заслонила собой ворот рубашки.

На гроб положили крышку, забили гвоздями, обмотали веревками и медленно стали опускать в могилу, молча, без панихиды. Лера с матерью громко плакали, вытирая лица плат-

ком. Как только гроб был опущен, все собравшиеся, включая меня, бросили горсть земли в могилу и принялись его закапывать.

По-прежнему я молча наблюдал как хоронят моего сына, не проронив при этом не слезинки.

Странно, но меня посетило чувство облегчения. Закапывали не просто моего сына, но и причину всего того, из-за чего моя жизнь полетела в тартарары. Бесплодие Леры, её гиперопека, измена. Возможно, не появился Роди на свет, ничего этого не произошло бы.

От подобной мысли меня передернуло, захотелось ударить себя как можно сильнее по лицу, чтобы выбить эту дурь из головы. И всё же...

Всё же, это была правда.

После того как могила была закопана и над ней возложили венки, люди молча принялись удалиться в местный ресторан на поминки.

– Без креста, – услышал я тихий шёпот тёщи, прошедшей мимо. – Без креста захоронили, Господи, помилуй, без креста.

Лера за все время так и не сдвинулась с места, пустым взглядом смотря на рыхлую землю. Мне пришлось подойти к ней и чуть ли не силой увести к остальным. Её рука была ледяной.

В убогом ресторанчике, его таковым можно было лишь назвать с большой натяжкой, все кушали молча, изредка шептали про Родю, каким хорошим и милым он был мальчиком и как рано забрал его с собой Господь. Сидевшая рядом теща, выпивая уже больше положенных пятидесяти грамм, вытирала платком одинокие слезы и все упрекала нас, что внука надо было обязательно крестить. Я едва не сорвался, чтобы не закрыть ей рот, но сдержался. Омрачить и без того ужасный день точно было бы лишним.

У Леры, сидящей рядом, зазвонил телефон. Сперва она не услышала гудок, уставившись в одну видимую лишь ей точку на стене, и мне пришлось коснуться её, чтобы сказать о звонке. Она взяла трубку, вышла из ресторана. Через окно я заметил, как она с кем-то стала разговаривать. Видимо, очередные соболезнования.

– Артём, покушай картошку. – Борис Степанович вилкой указал на мою тарелку, тяжело жуя. Его пышные усы уже были перепачканы в майонезе или сметане. – Вкусная.

Я молча кивнул и снова посмотрел на Леру, по-прежнему разговаривающую по телефону. Я хотел было пойти к ней, но ко мне подошёл майор, пришедший одним из последних на похороны.

– Артём. – Он положил руку на моё плечо. – Идти мне нужно.

Я сразу догадался, что пойдёт он домой, чтобы выспаться, поскольку завтра у него самолёт в Гудаури, полетит кататься на лыжах. Да уж, такому плотному графику только позавидовать: после похорон быстренько на лыжи.

Мы про нашу поездку в Таиланд и не вспоминали. Деньги с возвращенных билетов пошли на похороны.

– Да, товарищ майор, – тоскливо ответил я.

– Отдыхай сколько сочтёшь нужным, на службу не спеши. Договорились?

Я кивнул, он снова хлопнул меня по плечу и вышел из ресторана. В окне я заметил, как он задержался возле Леры, приобнял её и пошёл к своему внедорожнику. А затем я заметил лицо Леры, выражающее, как мне показалось, гнев.

– Кто звонил? – спросил я, когда она вернулась на место.

В ответ она махнула рукой и, взявшись за рюмку водки, осушила залпом.

Глава 7. Исчезновение

Родители пробыли с нами ещё несколько дней.

За это время тёща успела как следует прополоскать нервы разговорами о Боге и церквях. Раз десять упрекнула меня в отсутствии в машине иконы Святой Троицы, без которого в дорогу ну никак нельзя. В подобных ситуациях я обыкновенно срочно шел покурить или вдруг вспоминал, что мне нужно сходить в магазин. Она, конечно же, замечала мои нелепые увивания, отмахивалась, мол, ничего я не понимаю, но чуть что снова заводила религиозную шарманку.

Когда мы с Лерой проводили их на вокзал и посадили на поезд, у меня, признаться, камень с души упал. Я люблю родителей Леры и очень уважаю моих тёщу и зятя, но все же вся эта суета в нашем тесном доме со временем начинала порядком надоедать. Хотелось перестать ходить по ночам на цыпочках в туалет, чтобы не разбудить их в соседней кухне. Или просыпаться по выходным в любое время, а не в те моменты, когда теща включала телевизор в шесть часов утра, и уже через тридцать минут я был невольным слушателем разразившейся драмы с элементами детектива про деревенскую школьницу, родившую от одного из шести сельских парней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.